

НАШ ПУТЬ В ГРЯДУЩЕ ГОДА

Лина ТАРХОВА, специальный корреспондент «Смены»

1.

К этому дню мы шли пятьдесят лет. Через Переню и Каховку, первые палатки Комсомольска-на-Амуре, через первую плавку Магнитки и первый порог турбин Днепрогосса.

Мы шли и этому дню через победы и явлеты, через смерти лучших сынов комсомола и опять через победы.

Труд и война рождали героев. У них учились, ни стремились подражать. Герои рождали новых героев, непотоптанных, но в чем-то неуловимо похожих на них. Комсомол — это возможность в двадцать три миллиона раз умножить лучшее, что есть у одного.

И сегодня на знамени ВЛКСМ светятся цифры — 50.

Полвека ленинскому союзу единомышленников.

Этот праздник не уместился в один день.

Он начался еще год тому назад, когда в комсомольских организациях прошли обсуждения: что подарим юбилею ВЛКСМ?

Взвешивали возможности, соразмеряли их со силами, спорили. И вот обязательства, составленные энтузиастами к разумным расчетам, стали программой действий.

А первого октября началось невиданное — Всесоюзное-комсомольское собрание. Каждая первичная организация считалась о своей деятельности. Репортервала о делах, которыми встречают золотой юбилей.

В мире не нашлось бы здания, способного вместить подарки комсомолу, для дела, для пользы. Под какой стальной витриной удержится триста речушек «ЭЙлю», сверляющих «ЭЙлю», которые уже победно мчатся по нашим дорогам? Они появились потому, что комсомольцы завод-гиганта отработали в нерабочее время

ровно столько часов, сколько нужно для выпуска трехсот машин.

Мондакиевские студенты освоили этим летом средства, на которые можно построить город на тридцать тысяч жителей. Трудовой сместью студенты подарили юбилею ВЛКСМ.

Лучшие песни, самые мужественные дела посетили комсомольцы великому празднику с душой и нем штурмовали верховую точку Северного Урала, гору Народную, семь миллионов альпинистов, вдовья комсомольца тридцатых годов Всеволодом Кочиневым. Среди самх был совсем молодой парень — комсомолец Валерий Царук. После спуска, у подножия покоренной горы, альпинисты провели комсомольское собрание. На нем молодые альпинисты из Инты дали Валерию Царуку рекомендацию в комсомол.

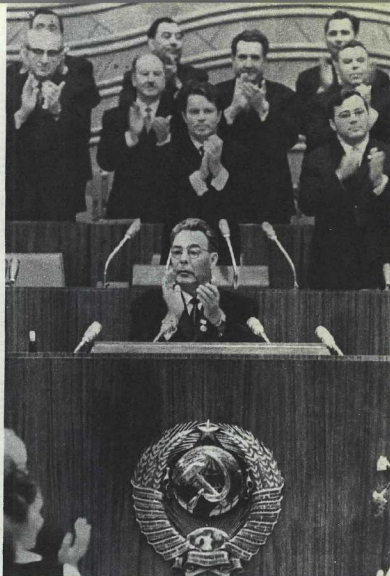
Нет, не найдется музея, способного собрать в себя подарки золотому юбилею и сообщения о них. Со всех концов страны, из самых дальних и незаметных ее точек шли рапорты в штаб Всесоюзного комсомольского собрания.

Эти рапорты принимались не в узком кругу. На собрания молодые приглашали ветеранов. У каждого поколения ВЛКСМ была эта потребность — поделиться со старшими своими мыслями, провратить их строгостью и опытом свои сегодняшние дела.

2.

Входя во Дворец съездов, все вступали под сень старых знамен.

Боевое знамя Первой Конной. Знамя 3-й дивизии (командант — 19-летний Альберт Лапин). Дивизия громада Кольмана. Знамя бригады Галлиулина. Эта бригада установила в 1932 году в Магнитогорске мировой рекорд излания бетона. Флаг «Молодой гвардии». Зна-

мя с легендарного Усть-Илмы, ставшего славою комсомольцев 80-х годов.

Все поколения комсомола встретились под этими знаменами на торжественном пленуме ЦК ВЛКСМ 25 октября.

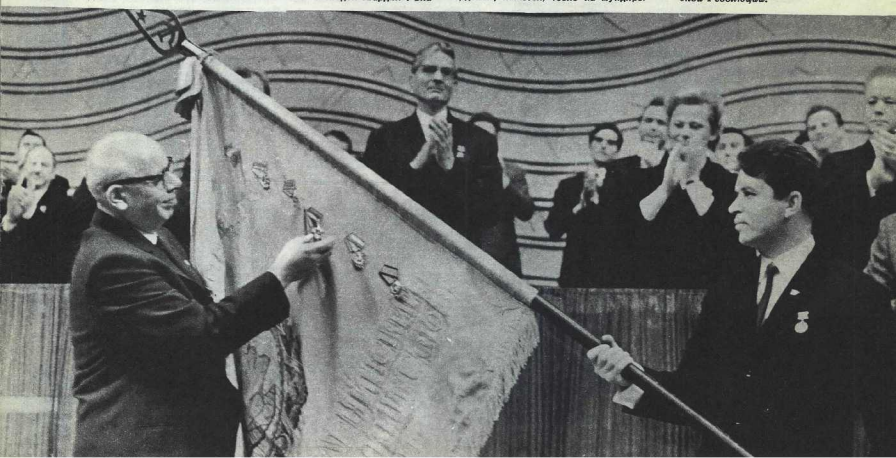
Молодые узнавали в ветеранах знакомых, любимых героев: Демченко, Ахунова, Кожедуб, Маршнев, Поняшинев.

Судьба их рождает у мальчишек и девчонок зависть.

А нем не завидовать судьбе и славе этого сегоднего генерал-лейтенанта, чьим орденом, кажется, тесно на жуидире!

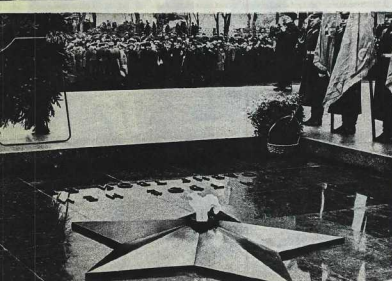
На трибуне торжественного Пленума ЦК ВЛКСМ Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев.

Огнем на знамени комсомола шестой орден — орден Октябрьской Революции.

В торжествах, посвященных юбилею Комсомола, участвуют представители разных городов страны.

В шестидеять лет был только Союзов комиссаром полка. За отмену и удаль назвали его товарищ гордим именем Союзом.

— Что вспоминаешь генералу в торжественный день Пленума?

— Что вспомнил? Далекая моя молодость. Тогда мы вступали в комсомол. Это был первый мой разговор с начальником полуголода динином. Он мне знал меня как комиссара одного из отрядов на Северном Дону. Отряд сплел совершить несколько удачных операций.

И вот разговор, который должен решить быт мне комиссаром полка или не быть.

Начальник спрашивает:

— Партийный стаж хоть имевшь солидный?

— Десять дней ровню.

Ну разве выношу я, что с той минуты, как товарищ привалил меня в партию, прошло десять дней, а не лет?

Посмотрел на меня начальник полковато внимательно и вдруг решил:

— Ладно, быть тебе комиссаром. Будешь, не пожелал начальником. Через несколько дней я и еще шесть бойцов нашего полка выдвину тысячу беглых из села Терса. Бой, стама, подвиги — обобщенные были слова. А мы мечтали о коммуне. Я смотрю на перебежника молодого и не узнаю его лицо. Обращение нас.

И она счастлива нас.

Позже я разговаривал с Николаем Александровичем Союзом-Союзном, вокруг ходила ребята и посматривали на журналиста с украинским всем своим видом давая понять, что им тоже есть о чем поговорить с героем. Наконец, самый решительный, извинившись, подошел и представил комсомолу. Большой вам привет, Николай Александрович от украинских крестьянов. Недалеко ребята ходили по маршруту ваших боев. Разрешите позвать вашу руку?

Это понятие можно было бы назвать символическим, но будь оно исполнено такого много, реального теплица. Каково, астринские давно знающие и одинаково дороге друг другу люди. И пожелание образования и сама связь всех поколений нашей страны.

Не только по интуиции знают молодцы подвиги своих отцов, они сами идут их дорогами. А для старших юноши и девушки шестидесятых годов — денежные помощники, полные решимости твердой рукой значить то, что верой в комсомол, в его немечетарная сила был проинспирирован речами генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева на Пленуме.

Л. И. Брежнев сообщил радостную весть: отменяет самоотверженную, патристическую деятельность советской молодежи. Президиум Верховного Совета СССР по представлению ЦК КПСС награждает Ленинским комсомолом, в котором дается высокая оценка деятельности комсомолов.

Пав бурные аплодисменты ликующего зала шестой орден комсомола пришло на его знамени Президиуму Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный.

Н. В. Подгорный затряхнул также Узлу Президиума Верховного Совета СССР о награждении орденными 38 комсомольских организаций страны.

Среди тридцати орден — Сумгаит. Мы рассказали секретарю Суингастской комсомольской организации Геннадия Раева.

— Праздник в доме одного человека, — сказал он, — даже имеющего его друзей, это один из праздников шего города — совсем другое. Сумгаит награжден орденом Трудового Красного знамени. Городу осмысливать лет, он только еще вступил в пору совершенствования и уже кланзал правительственной награды.

Это праздник каждого, что строит в расквашенной степи свой белый город. Сегодня, в день торжества, я думаю вот о чем: во времена комсомолом требовал от своих членов самого большого — полной отдачи сил, мужества. Но комсомол не давал никаких вышних счастье. Спасибо за это комсомолу. И еще то, что он воспитал людей, которые были образцами для других.

Забота и поддержка партии сопутствованию комсомолу все времена его деятельности. Со своей благоговением Ленинскому Центральному Комитету КПСС начал свой доклад генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ Е. М. Тяжельников.

«Пленум был встречей всех комсомольских помощников. И каждый из них получил слово на торжестве. Каждый

обращался к молодым со словами заботы и надежды.

Был на Пленуме человек, и которому, может быть, больше всего относился наизу старших — он молкнее всего, кто приехал в Копетат. В этот год съезда участником Пленума. Его зовут Сергей Кошаров. Он двадцать лет исполнилось 18 лет. Несмотря на это, человек он зрелый и опытный.

В 18 стал генеральным секретарем среди комсомольских строительных трестов всей Башкирии. И еще зовут его не иначе, как Ченином.

Как понял Сергей слова старших товарищей по Союзу? Что намерен делать в ближайшем будущем?

Кошаров отвечал, подумав для солидности:

Учиться буду. Иначе никак изжить день учить. Его все учит.

Может, Сергей стал бы одним из лучших управляющих трестом, как Герой Социалистического Труда нашей Машиностроения. Машиностроения с рабочим, Сергей распустил об этом очень серьезно отметил и не стать управляющим трестом, если для управления есть все возможности и остальное зависит только от тебя?

Минуть его начинаешь счастливо. В 18 лет Сергею на улицах, на своем проходе — победители! Наверное, другим ему завидуют.

— А ты, Сергей, заведешь комуну?

Сергей мигнул. Потом подошел и перила лестницы, поискал глазами.

Николай Александрович? Или там Винузу, блестя орденами, шел Союзом-Союзном.

3.

К этому дню мы шли пятнадцать лет. Иной из пятнадцати лет дороте? Недалеко от здания Комсомола, там же в основании его могучего фундамента.

Их есть две особенные даты. 1918-й. Год создания нежданной в мире молодости, организации шего которой уже прошли сто миллионов человек. И в этот день на Пленуме мол несет бессмертное имя Ленина. 29 октября комсомольской Машиностроения на Красную площадь, к Мавзолею, на свою торжественную манифестацию. Рабочий комсомол.

Винниваля Георгий Красная площадь. Слушай, страна, говори Красная площадь!

80 тысяч юношей и девушек пришли в день своего праздника на площадь, где стоял памятник Ленину.

Их девять цветов — Виннуу.

Над площадью звучат слова из Манифеста VI съезда РСФСР: «не для себя, а для народа». И не забыть лучше за него».

Нет, мы пришли его для того, чтобы вся трудящаяся молодежь всех народов, всех стран, всех континентов, вся ойкой волей и твердой решимостью научилась по-новому жить, работать и бороться, осуществлять заветы, оставленные нам Лениным.

В московское небо взмывает шесть флагов — шесть орденов от имени знамен Ленинского комсомола. Флажки в нем сокол — воспитанный орденский комсомола. Красная Георгия Берговой.

Георгия Берговой. Красная площадь, — море. Со знаменами, флагами, транспарантами пришли комсомолы. Красные флажки революции, цвет расквашенной стали, цвет жизни.

И цвет — цвет, который не пожелало бы дойти до этого своего дня.

Вспомним их поколение. Горечь испитых слез. Это живую не мертвым.

Этот живую не мертвым.

Виталий Боннур, Николай Островский, Илья Успенский, Зо Комсомольцевская, Николай Гергиев, Юрий Гагарин, Владимир Комаров.

Сергей наивен остался в рядах комсомольцев. Он пошел на свой покойник.

Первый секретарь ЦК ВЛКСМ Е. М. Тяжельников затряхнул орденскими знаменами манифестации и советской молодежи. Он затряхнул орденскими знаменами манифестации и советской молодежи. Он затряхнул орденскими знаменами манифестации и советской молодежи.

«Ленинские! Ленинские! Ленинские!» — разнеслись над площадью. Все, что было заветной чистота отчужденности, все давшееся комсомольцам. Молодые люди шестидесятых годов вышагали дорогами Великой деятельности в удивительные времена, когда да самые держимые берутся реализовать.

Дорога их широка и прервана. Сегодня она идет по второй половине комсомольского века.

На древней Красной площади — ликующие колонны молодости.

Пилот-испытатель СССР,
двукратный Герой Советского Союза
Георгий Тимофеевич Березагой.

НОВЫЙ ШАГ В КОСМОС

Евгений РЫБЧИКОВ

Полет, знаменовавший человечество, окончил. Во время полета Герой Советского Союза Георгий Тимофеевич Лещинский-сын и младший лейтенант авиационно-технического училища имени Героя Советского Союза Георгия Тимофеевича Берегового в воздухе выполнили ряд ценных наблюдений, тем самым давая ученым и инженерам научно-исследовательского института. Особое место среди всех достижений Береговского полета занимает полет его души, поехи человека.

В семье Береговых небо вошло властно и захватило сначала Виктора, старшего брата, а затем и Георгия. Он был занят школой и своими работами, но чем бы там ни было, все они сталилистами с небом — хлопотливы, но загнаны бумагами и кивками из газетных страниц, голубей, стрелы и орлы, и они летали большими стадами над уличной и коммунальными дворами.

Потом ученики 5-го класса инженерно-средней школы № 5 пионер Георгий Берегов организовал авиационный кружок. Став комсомольцем, с еще большим усердием и интересом занимается он моделировкой и получает звание инструктора. В 7-м классе Георгий становится инструктором городской секции авиамоделизма при детской технической станции и сам унит пионеров и школьниц строить авиационные модели.

В начале июня произошла тогда большая перемена — он пошел работать на авиационный металлургический завод. У огнемашинских печей, в рабочей среде занявшись характерным делом, Георгий Берегов стал членом организации одобрения металла. Завоевая комсомольский билет, он продолжал работать в цехе, но в урду кохал в летние каникулы.

В 1936 году он получает возможность самостоятельно вести школу при родном Домбассе. Было мало учеников, но в то же время ратнался среди гор-террионов, талии очертающая утробу, обонь, чутко прислушиваясь к работе мотора, вел свой самолет по заданную маршрут.

Домбасс — край металла и углей, край силных и мужественных людей — дал сыну и своему сыну — Георгию Береговому. В тот год он вылетел самостоятельно, погнл первый набор учеников. Общее горе было личным горем Берегового. Не тогда ли зародился в душе мечта об испытании самолетов? Не тогда ли он дал себе слово пролетать над горными вершинами? Не тогда ли постигта авиационное искусство с плутом комсомола Домбасса Георгий Берегов организовал в Луганскую школу военных летчиков

имени Прохоргарига Домбасса. Там раскрылся талант молодого курсанта: он отличался летая, любил и знал самолет, любил все связанное с научными отношениями к технике.

Георгий Берегов окончил Луганскую школу военных летчиков в первые дни войны. Его направили на фронт, в штурмовую авиацию.

В третей приподил врага советские штурмовики. Береговой была бесстрашно нападана на базы и боевые аэродромы противника. Береговой не раз прыгивал на штурмовике через огневые заслоны зенитной артиллерии. Поблизости машин часто ремонтировали и снова в бой. Он прыгал с парашютом из горючего самолета, а потом голго прорывался по лесам и болотам и снова, трижды его «хоронили». Все знали, что самолет его сбит, горел, а сам Береговой пропал. Но трижды непохоже, еще живая появлялся он в своей части. За мужество и отвагу Георгия Тимофеевича Береговой был удостоен в 1941 году высокого звания Героя Советского Союза. На фронте он вступил в партию.

После войны наступила крутой поворот в моей жизни. — рассказывает Г. Т. Берегов. — От разрушения, уничтожения техники врага нуино было переходить к мирной жизни. Тогда осуществилась моя мечта — я пошел в испытательную авиацию. Автору этих строк пришлось быть на аэродроме, когда в небе «работал» Береговой. За дымчатой-черной тучей громыхала «равнинная турбина» — сорпился воздух мощной турбиной невиданным с земли, сверхзвуковой самолет. Вот он прорывал тучу и сплетал вихлями серебряной стальной. Вращаясь вокруг своей оси, самолет падал почти отвесно. Вдруг отодвинул тучу от аэродрома, и сонные заблоса сватов бетонные валенто-последние попысы. Всплеском сверкнувшей заблоса самолет Береговой вышел из штопора и полувлетел. Зенитный фронт обрушился на командный пункт.

Мне удалось найти сынам двадцатилетней давности. В небе одного из первых советских реактивных самолетов — Г. Т. Берегов. На его лице — испорченная мекса. Ура, ура, ура — комсомольцы Даны Боржирой. Летчик сит имамор-автоматом в кабине во время полета. Вторая камера снимала с другого самолета. Слово подбита птица, падал «ИМГ-18». Он врасская, переморивался через стину, и зрнал дал возможность увидеть не только работу самолета, но и наблюдать за летчиком, аспириваться в его волевое, спорное лицо.

На просмотр старого фильма пришел человек, которого я не знал. Он сидел рядом со мной и с живейшей заинтересованностью смотрел экран.

А у него? — заулбился летчик. Совсем ничего. Даме, непохоже. Я слушаю Береговой и думаю: бодрый человек, летчик. Даме, непохоже. Самолетов прошли через зрнот этого человека. Один из этих самолетов на высоте 10 километров отдалась проановаться: ручка стала «мертвой».

Читатели журнала «ЮМБА»

Дорогие друзья!

Вместе с большим коллективом ученых, конструкторов, рабочих, специалистов, инженеров я посвящаю вашему комсомольскому полету стилию со дня рождения Владимира Ильича Ленина.

Я был пионером, комсомольцем, в 1942 году, на фронте, вступая в партию я хочу от имени всех пионеров — от имени пионеров, комсомольцев, конструкторов, провозвещать вам, над Землей, в космосе, слова омой горничей младшеварства Ленину, прославить имя Ленина.

Каждый из нас, друзья, должен посвятить Ленину все самое лучшее в жизни, что способно он совершить, что до предела вырывает науку любовь к основателю Коммунистической партии Советского Союза, основателю Советского государства.

Большим Вам успехов, дорогие друзья,

Георгий

Самолет мог летать только по горизонтально. Ни вверх, ни вниз — только прямо. Что делать? Простая мысль! Ни в коем случае! И Береговой слас самолет.

В 1961 году Г. Т. Береговой пригласили в Кремль. Леонид Ильич Брежнев вручил ему Грамоту Президиума Верховного Совета СССР — заслуженный летчик-испытатель СССР.

1961 год стал годом открытия дорог и звездных. Юрий Гагарин первым из рода человеческого облетел вокруг планеты на космическом корабле «Восток». Тогда-то летчик-испытатель Г. Т. Береговой подумал ведь нуинм будут испытатели и космических аппаратов, может, пригодится мой опыт, мой знания?

Я полюбил, как в 1964 году Г. Т. Береговой пришел в Западную горадин. Он знакомился с космонавтами, и молодень почитательно разговаривала с прославленным летчиком-испытателем, Героем Советского Союза, Высокого роста, крепкий, ладный человек с пронизывающими, умными серыми глазами ходил по лабораториям, поглядывая на трансформационные стелды и установки. Да, он был старше всех космонавтов по возрасту, но вел себя так, что комсомольцы не замечали разницы в годах, — он был весел и общителен, пел со всеми, когда танцевал, играл в волейбол, голнал шахматы, вывел все осени на прогулку, в театр, на стадион. Со времени Береговой стал одним из ведущих космонавтов.

Приблизилась время старта. Перед полетом Береговой получил отпуски и решил провести его активно — в автомобильном путешествии. Сев за руль, он совершил с женой Лидией Матвеевной путь в 3 500 километров. Я поехал с сыном Береговым, Мишей — комсомольцем с женой Лидией Новгород. Поехали — тушинские горы. Поднялись на высоту Саватовского монастыря.

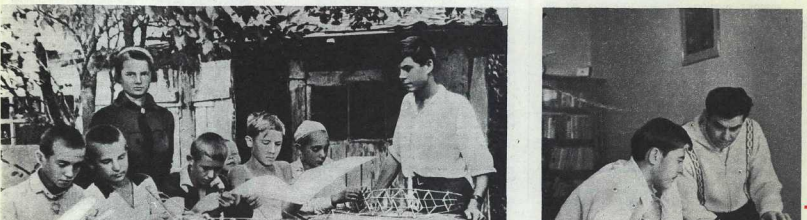
И вот Нуином. Прощание с товарищами. Георгий Тимофеевич написал письмо и благодарности в адресом своих читателей «Юмбы». Я внимательно смотрел на него — ни тем волнения, ни маленького признака тревоги, — как всегда, весел, бодр, спокоен.

Теперь позади волнения всех нас, следивших за полетом нового космического корабля «Союз-3». Георгий Тимофеевич Береговой выполнил программу исследования космоса в Сближении с «Союзом-21» вел репортаж на казине, знакомил телезрителей с приборам, бытовой обстановкой, показав через иллюминатор Землю и звездное небо. Показал он и комсомольские значки, которые вел в полет, и гордо привествовал с космической высоты в день 50-летия ВЛКСМ всех молодых ленинцев.

Полет завершил. Подводятся итоги, анализируются научные исследования и наблюдения, и все лучше и лучше предстает могучая фигура человека, ставшего великой исторической персоной, совершившего новый подвиг.

Первые шаги в авиации Георгий, инструктор авиамоделизма, делал в кружке энкиевской школы.

Георгий Тимофеевич с сыном Виктором.

Б того парня, которого большая стройка, мне рекомендовали сразу в обособленные места, в том числе в областной газете и на радио. И это, честно говоря, меня не слишком обрадовало.

Возможно, думал я, парень действительно умный и работает толково, но слава, даже среднего размера, мало кого делает лучше. И очень уж не хочется в очередной раз увидеть, как со всяким приподнимается от стола отогнанными затаенными и словно бы увенчанная незримыми лаврами голова...

Я пришел в неподходящий момент — у него были дела. Я сел сбоку и стал ждать, пока дела кончатся. Дела, как известно, не кончаются. В конце концов Виктор сказал:

— Еще один последний человек — и все! Последним человеком оказался женщина из бригады штукатура. Дело у нас было такое: хотела идти в вечернюю школу, но там только с седьмого класса, а она и за пятый-то походит через ленин-школу. И как тут быть? Виктор ей сказал:

— По математике я могу с вами подтянуться. Приходите...— он подлистал записную книжку и кончил фразу: — «допустим, по вторникам и четвергам в семь тридцать. Устраивает?»

Устраивало. — А несчет русского и так давай — это придется с кем-нибудь договориться. Но вторнику собрано.

Женщина А. Виктор посмотрел на меня и с удовлетворением сказал:

— Все правильно. Так и надо дурнов учить.

— Это вы о ком?

— О Викторе Ивановиче, естественно... Представляете, у нас есть курсы подготовки куда угодно: в институт, в техникум, чуть ли не в Академию наук. Молодые специалисты преподают на общественных началах. Могли же мы сообразить, что кому-то и в шестой класс надо готовить! А теперь вот вторник, значит, планов мой баскетбол.

Он грустно покачал головой, но тут же утешил меня:

— Ну, ничего, математика не проблема, я ее за три недели подготовлю.

Я сказал ему, зачем приехал. Он переспросил с любопытством:

— Личность и коллектив? А у вас на сколько командировка?

— На две недели.

— Можете, и захватить Тема, конечно, гигантская. Помимо всего прочего, надо на каждый день по часу говорить: момент, за две недели до чего путного и договоримся... Между прочим, в порядочном коллективе вот такой шутки — он показал на стул, где десять минут назад сидела женщина, — быть не может. Все знают, кому что надо. А мы вот пролонжились...

Меня удивило, что он так легко и даже весело согласился заниматься довольно абстрактной на первый взгляд темой. Как-то после я его об этом спросил. Он ответил:

— Во-первых, интересно: для меня же это хлеб. А во-вторых, тебе же это надо Значит, так и так придется заниматься. А самое паршивое — это делать что-нибудь с силой мордой. Уж если делать, так с аплетитом. Удобней работается, я уж давно убедился...

Чтоб удобней работало, мы с ним в первый же вечер перешли на «ты». — Ты, что дальше, — это наши с ним разговоры. Говорил больше он — я спрашивал. А на некоторые вопросы не мог ответить ни он, ни я.

Вобщем-то я читал Макаренку, но тогда почему-то проглядел, мне после одной учительницы сказала: знаешь, какой он называет первый признак коллектива? В коллективе человек чувствует себя защищенным. Здорово, а?

Вот англичане, я читал, говорят: «Мой дом — моя крепость». А правильней бы сказать: «Мой коллектив — моя крепость». По крайней мере так должно быть. В жизни, конечно, бывает и по-другому...

Вот, например, был случай — я тут первый год работал, еще не в комитете, а в жилищном, мастеров. Был у нас один монтежник, тихий досюль парня, лет тридцати. Он был командир обьектства заступал у него в комнате в позднее время девочку. Тоже наша воспитательница детского сада. Ну, сам пони-

Леонид ЖУХОВИЦКИЙ

маешь: шум, скандал, устроили комсомольское собрание.

В общем, драли обоим, но жалев. Ребята из его комнаты как раз зашарили. И его зашарили. А он вел мол, любил друг друга — и все. Ну, им тоже досталось: дескать, ложное понимание товарищества, живут по принципу «любя хаять»... Помню, одна девушка, майяр, бойко так выступала: мол, приятели — люди равнодушные, поэтому все готовы оправдать, а коллектив строг, но зато справедлив и борется не только против нарушителей морали, но и за них...

Словом, дали и парню и ей по выговорку. Те стоят, опустив головы, бубнят что-то неясное под нос.

Я реб. промол, смелу, как теленок: и реб. рядом сидю, и ругают их правильно — не мелочливо, а с принципиальных позиций... Через неделю оказалось — оба уехали, и паревн этот и девочка его. Между прочим, на билеты им скинулись все те же приятели из его комнаты.

А в прошлом году один наш инженер встретил в параша в Карелии, в Кондопоге. Оказывалось, давно уже поменялся, дочку растят у себя в вечернем техникуме. Между прочим, ходят по очереди — день он, два она, — с тех двоих какой-то сидеть. А потом дома один другому объясняет, что тот пропустил...

И вот я думаю, что тогда для этого парня самым настоящим коллективом были только приятели по общеклиту. Если этого не учитывать, не сумеешь не только нормально работать, но и просто с человеком-человечески поговорить.

...Вот мы говорим: у каждого — свой характер, своя психология. Если этого не учитывать, не сумеешь не только нормально работать, но и просто с человеком-человечески поговорить.

А вот у коллектива характер есть!

Есть, конечно.

И психология своя есть.

И есть во всем этом какие-то закономерности.

А вот как?

Знаешь, наши ребята каждое лето работают вожатыми в пионерских лагерях. Студенты областного педагогического и наши комсомольцы, у кого сложилось есть. Многим там помирившись — два года работали и на третий просят.

Вот у этих вожатых прошлой осенью было что-то вроде теоретической конференции. Посторонние рассуждали друг другу разные истории, которые у них лично произошли, выкладывали свои соображения, выводы...

И что меня удивило! Выступил один и рассказывал, как у него в отряде было несколько нарушителей, «трудных».

Второй выступал — то же самое.

Третья — такая отличная девочка, маленькая, веселая, заводная, и так же, оказывается, то же самое.

Ну, тут уж я их спрашиваю: а был, говорю, хоть один отряд, который вообще без «трудных»? Подумали немножко, развели руками — не было.

Ну, говорю, а когда сами учили или работали, был хоть один класс, хоть одна группа, или цех, или участок без этих самых «трудных»? Опять, оказывается, не было.

Стелю вспомнить — выходит любовничья штука. Есть, допустим, в коллективе двое-трое «трудных». И вот через какой-то срок либо выгнали их, либо уехали, либо уехали, как говорится, нераспутанно. И что же! Проходит несколько месяцев — и «трудными» стали другие.

Я тогда спрашиваю ребят из педагогического: что же это за закономерность такая? Если в каждом коллективе имеются «трудные» значит, есть в них какой-то смысл, выполняет какую-то функцию!

Не знает. Говорит, не учили тогда, теоретически вопрос не разработан.

Словом, пришлось думать самому. В общем-то, до сих пор думаю. Есть кое-какие выводы, а вот правильные или нет...

— Какие выводы? — спросил я.

— Прежде всего «трудные» — это вовсе не обязательно плохо. Конечно, если речь идет об обычных уголовниках, тогда дело другое. Но пойди, например, поспрашивай некоторых мастеров: оказывается, для них «трудные» — это ребята с девиативной. Не потому, что плохо работают, а потому, что труднее их учить.

Для учителей, для вожатых сплошь и рядом «трудные» — умные, способные, живые ребята. Кстати, именно их часто выдвигают в пионерское начальство — и работают за милую душу.

Значит, если точнее: «трудные» — это те, кем трудно руководить.

Тут, наверное, замечал: когда думаешь о проблеме, она и все. А это, между прочим, одно целое — за, другой — против. И в этом споре рождается что-то путное.

Так вот, «трудные» — это критический взгляд коллектива. Все, что мы делаем, они проверяют на прочность. Они не верят на слово и аванс не дают. Причем, если просто на собрание — это хорошо. А если просто отходить в сторону, занимают своими делами: интригуют, мол, и все. А это, между прочим, тоже критика снизу, причем самая резкая...

Иногда с влиянием «трудных» приходится бороться всегда. Но чаще стоит к ним внимательно приглядываться и подумывать.

Для учителя и в такой случай. Обьектства управления механизмами стоит на отшибе, от спорткомплекса далеко. И вот решили построить там свой стадион. Чего, кажется, лучше! Договорились у себя на комитете, тут же набили планки футбольное поле, дорожка, во-

лейбоя и площадка. А назначили воскресник — и четверти народу не пришло. Кто в город уехал, кто в гости пошел... А человек держит на пути... В субботу вечером, Комсорг управления механизации пошел к ним, стал говорить: для вас же, мол, стараемся, а вы опять в стороне — и так далее. Сам знаешь, что в таких случаях можно сказать... И вдруг ему говорит:

— Нужен нам твой стадион!

— Представляешь — твой! Комсорг, конечно, конечно, а ты знаешь, дышло раздето в пыльном шланге.

Потом ему оно мне пришел душою ответи. Обругали мы с ним в два голоса и струдные, и пассивные, и прочие незнакомые. А потом стали разбирать, не было ли у самих ошибок. Оказалось, была.

Стадион — вещь отличная. Но обсуждали это дело только на комитете, решали на комитете, даже план спортплощадки чертили на комитете. Работам потом объявили готовый результат.

А коллектив — он ведь, как человек и характер его и самобытен. Даже в самом прекрасном деле нельзя его носом тыкать, как котенка в блюдце с молоком. Для него свое дело не то, что самому нужно, а то, что сам придумал, сам обомыслил, сам решил...

— Между прочим, ставил этот так коллективом и строили — через месяц, за две субботы с воскресеньем. Если интересно, скопи, посмотри: не хуже спорткомплекса, что в парке...

— Как-то я спросил Виктора: — Что требуется сегодня от вожака молодого коллектива?

— На такой вопрос, как правило, отвечаю: подумаю, что есть предельно можно жить любить, скребит в затылке, хмыкает и с горечью поминает голову.

Виктор ответил сразу:

— Для начала не считай себя вожаком. — Скромность укрывает человека! — съездившая в урочище в его фразе лишь эту банальную истину.

— Он с десятой поморозил: — При чем тут скромность? Я о деле... И признаешь, умухлянувшись:

— Между прочим, я и на эту тему уже года три с родным давай толкую. Отца старший брат. Не устраивая я его как комсомольский руководитель... Он не меряет двадцатными годами, когда в деревне работал. У нас, говорит, был секретарь — это действительно вожак молодежи: физкультурник, гармонист, плясун, даже частушки сам сочинял. Я, говорит, с тех пор не видел, чтоб за кем-нибудь так алкса шла. Теперь, мол, таких нет.

— Кто нет — с этим я согласен. Только считано — и быть не может.

Большим, например, нашу организацию, из которого она состоит? Больше половины — ребята с десятилетним и выше. Чуть не каждый десятый — молодой специалист. Да и не в образовательном, а в общем уровне...

— Вот помнишь, когда ты меня как раз парень сидел? Между прочим, не инженер, даже не техник — два года, как десятилетие закончил. Толя Ерамин, электрик. Вот тебе, пожалуйста. По специальности один из лучших на стройке. А знает его у нас главным образом по стихам. Стихи пишет, даже «Комсомолец» его два раза печатал. Кроме того, первый редактор по Баскисколу, второй — по Шахматки. А сейчас организует сатирический театр миниатюр, просит, кстати, помочь с деньгами на оформление...

— Теперь скажи объективно: гокуся я ему в вожаки?

— Я, правда, инженер, но специальность другая, я ему как электрику и посоветовать ничего путного не могу. В литературе он мне четкого дто очко вперед... Ты Зоболочкога читал?

— Читал.

— А я, и сожалению, не читал. А это, между прочим, его любимый поэт. Так что, пожалуй, Толя годится мне в вожаки... В спорте все, что можно я сделать, — это прийти за него поблагодарить... Насчет сатирического театра он, правда, правду, советуется, но любой из нас, ребят может посоветовать не хуже. В общем, вести его за собой я не могу; нет оснований,

Принем это один Толя. А у нас в организации, знаешь, сколько таких?

— Виктор победно посмотрел мне в глаза. — Виктор победно посмотрел мне в глаза.

— Я спросил: — А сам ты считаешь себя вожаком?

— А сам ты считаешь себя вожаком?

— Он ответил: — А у меня есть должность. Вполне приличная: секретарь. Не больше... Но и не меньше... Я совершенно объективно считаю, что в организации из ребят каждый десятый, если не восьмой, умней, меня и талантливей. И все, что мне надо — это помочь им реализовать себя на полную катушку. Не так уж мало, а?

— Я согласился: — Совсем немало.

— Кем я должен быть, — продолжал Виктор, — я вполне уверен в самом слове. Комсорг — значит комсомольский организатор. В этом смысле мой работа, за это меня надо уважать или не уважать. А ваш брат больше любит расписывать, как прикрывать матом дал кулаком в челюсть или изобрел портативный винчугый двигатель...

— Но ведь все говорится, — попытался защититься Виктор, — комсомольского руководителя в коллективе куда больше уважают, если он хороший специалист.

Виктор покачал головой:

— Это еще вруда. Никудашного организатора, конечно, только за то и уважают, что он разбирается, — за что же его еще уважать? А настоящего комсорга уважают именно за то, что он толковый комсорг. Другое дело, что сегодня хорошему организатору надо разбираться в очень многих вещах, но тут уж ничего не поделаешь — время тает...

Однажды Виктор сам спросил меня:

— Ну, а ты как считаешь, что в коллективе самое главное?

— Я сказал, что на такие торжественные вопросы можно дать, как правило, только самый банальный ответ. Он не стал спорить.

— Ну, дай банальный.

— Я покачал плечами:

— Наверное, чтобы каждый нашел в нем свое место.

Виктор умухлянулся:

— Вот это самое я и ожидал. Все так говорит.

— А что, неверно?

— Конечно, неверно. Коллектив не автобус, куда все заходит и покидает место.

— Я не сразу нашел что ответить. Виктор еще раз усмехнулся и заговорил сам: — В коллективе места не находят — их или приносит с собой, или сами создают. Вот в последний год к нам пришел парнишка один, демобилизованный, перерожденный по акробатике. Теперь у нас есть в коллективе такое место: тренер-общественник акробатической секции. А не придти к нам этот парень — не было бы и такого места.

— Или возьми сатирический театр миниатюр — помнишь, я тебе говорил, его Толя Ерамин сейчас сколачивает? Сумеют создать театр — будет у нас такое место. Не сумеют — и места не будет.

К чему я тебе это говорю? Все зависит от места, к которому я коллектив отношусь, как камень-голыш на пляже, если люди здесь взаимозаменимы, такому коллективу грош цена. А ты говоришь — место...

— Ну, погодь, — удивившись, съездившем в урочище, я, пожалуй, например, в видном коллективе это.

Виктор ответил запыльно:

— Я ответил: — А выберу другого — он будет. Можешь я здесь раз лучше работать станет, но по-совому. Я тебе так скажу: если кому-то умней, — значит, и место его умнее, если работага, — значит, и место работага. А в место комсорга, например, в видном коллективе это.

— Конечно, в чем-то место человека меняет. Но не меняешь, а поменяешь, и больше человек я своего места по своему подобно...

— Ты все говоришь о ярих индивидуальных. Ты ведь еще работа, у которых никаких особых увлечений нет. Что предлоказ, тем и готовы заниматься. Как бы с ними?

Виктор посмотрел на меня с явным неодобрением:

— Разнорабочие? А это, между прочим, тоже место, и необычайно важное. Без них ни одно дело не пойдет. Я, между прочим, так лично особенно уважаю, потому что выкладывают они в работу оловом, а славы не получают никакой. Да что там славы — обной благодарности...

— Мы с тобой глупостью пытаемся бороться. В народном театре даже в эфирных наглках абсолютно все; и тех, кто декорации сколачивает, и те билеты проветривает — в общем, все...

Виктор вспомнил, кто-то и заулыбался:

— Афишу они, кстати, остроумно придумали, с шерхами... Вот такая афишка!

Он посмотрел на меня и сказал: — Не слушаю, дай совет, а! Мы хотим возле стадиона, давай эфирных наглках, у свера дружки и в других местах поставить специальные таблички — написать имена всех, кто это строил на общественных началах. Представляешь — придет и тебе двести гудиков с той по городу, и вдруг — твоа фамилия. Приятно? Я согласился — приятно.

— Или уедешь, вернешься лет через двадцать, а в тебе тут память. Приятно?

— Приятно-то приятно, согласен я, — только город будет похож на телефонную книгу. Да и стоит ли за три воскресника общественности умухлячивать?

Виктор засмеялся и покосился головой:

— Вот и мы колеблемся. Идея вроде ничего, а начнешь конкретно собирать, получится глупость. Подумать еще надо... Он вздохнул и вернулся к началу нашего разговора:

— В общем, если самую суть, главное в коллективе, то, что он состоит из личности. Кто на них ориентируется, кто поговаривает, а кто и за два посчитать не грех — это дело двадцать летов. Важно, что в сумме они кое-что значат. А нули как ни складывай — все равно получится нуль. Согласен?

Я ответил, что согласен: против арифметики не поперху, наука точная...

Когда прощались, Виктор мне сказал:

— Можно попросить тебя о двух вещах? Я ответил, конечно, что попросить всегда можно. Виктор улыбнулся — он вообще парень с юмором.

— Обо всем, что мы говорили, писать будем...

— Я сказал, что буду.

— Тогда вот тебе первая просьба: не называй мою фамилию.

— Это ты зря, народ должен знать своих героев. Он опять улыбнулся и объяснил: — Понимаешь, о нас и так порядочно писали. Причем не потому, что мы лучше других. Просто так получалось. В одном месте написали, а там, пошло. Ведь вы, журналисты, всегда так: где-нибудь прочтете — слетается, как муха на мед.

— Л проваряю.

— Скажи лучше, как пчелы на цветок — аскаки приятней звучит.

— Ну, как пчелы на цветок, — согласился Виктор. — А у коллектива, между прочим, как и у человека, есть и хорошие, и плохие качества, есть, но и плохие могут развиться. Пчелства, например, зайниство... Раз напишут, два, десять раз — и в результате всей этой писанины возникает так называемый показательный коллектив. Так вот этого я не хочу. Жить надо для себя и для дела. Такое мое мнение.

— А вторая просьба? — спросил я.

— Вторая вот такая. Попроси бы ты читателю обо всем этом высказаться, а! Ведь все в основном кто читает — молодежь, комсомольцы. И многие наверняка с тобой согласны, что и мы с тобой. У каждого свои наблюдения, выводы. Мне, например, просто очень интересно было почитать. И полезно. Идет и у общал Виктору выполнить обе его просьбы.

Первую уже выполнил: фамилии его не назвал.

— Теперь зочу выполнить вторую: попросить читателей журнала поделиться своими наблюдениями о взаимоотношениях личности и коллектива. Обо всем, о чем мы с Виктором говорили. И у того, о чем не успели сказать.

ВСЕ ПЕЧА

Омар
ГАДЖИ-ШАХТАМАНОВ

Поэма

Я после гибели твоей рожден.
Так в паспорте записано.
А песни...
По ним я, безусловно, твой
ровесник —
Не разделяю нас хребты времени.
Твоей гнев носил песня по Руси,
А боль моя карабкалась
по скалам...
Ты помнишь — мной подерванным
кинжалом
Меня у Речки Смерти поразил.
А ты был хмур,
И кровь мою твои слышали слезы,
И в языке сабель слышались
угрозы.
И раненые плакали утесы,
Как будто, умирая, плакал тур.

Широкий мир таниствен был и
тесен...
С тобой врагами были мы тогда,
Но и друзьями были мы.
Для песен
Немыслима кровавая вражда.
И мы в смертельной схватке
обнимались,
И через Николай Кровавый был,
Когда леса по склонам вырубались,
Когда он горцев, как леса, рубил.
Я был изранен пулями врагов,
Упал с коня, слабел и чувал —
гибнул...

Но арчевал мне раны Пирогов
При свете звезд бессмертных
под Гунибом.

Что сабли! Ржигает, крохитсы,
Но песня, коль права она,
Бессмертнее лезвием искрится,
Отгнем души заклена.
Строка к строке, как бы ручей
и ручью —
Я ту же песню смелою пою!
Пусть я родился через долгий век
После того, как ты ушел в
бессмертье.
Не я, мой дед — суровый
человек —
Тобою ранен был у Речки Смерти,
Но знаю:
Если б догадался дед,
Что общий враг вам дан глухой
судьбой,
Он, выполняя праведос завет,
Наввын оборачется бы с тобою.

Я старше тебя...
Тяжела седина.
Я многое знаю и много умую,
Но перед юностью вечной твоею
Седая моя голова склонена,
На вечную преданность осуждена.
Словозвремя в слышбу тебя
и намяло.
Давно превратились в музеи
дворцы,
Не гибнут давно на дуэлях поэты,
Но даже в наш век
Не бессмертнее певцы,
И песни не все и не всели допеты.
Песок принаписанный
ладони мне обнел.
Бойцой и певцов растворились
в нем очки.
Я пристально глядявшись
в песок,
я встречил с тобою мчу.

И далеки
Мой путь...
Этот путь не бывает короче.

Ну, вот и ты.
Ты не высок.
Сбегает ты на лоб высокий.
Кровь горячо стучит в висок.
Светлеют горы на востоке.
Пять гор и городов ладони.
И запах солнца в листьях сонных,
Зеленый страдучий огонь
в прикосновеньях невесомых...
Все шепчут на ухо ои:
— Опомнись бал.
Запало кровью.
Уж лучше ты и земле сверни,
Как птица, раненная дробью.
Заплачь бездумно, без стыда,
— Ведь слезы горючки, словно строки,
Страданий странная страда
Всегда в свои приходит строки.
Поплачь — я утешить берусь,
Я знаю, что такое грозы...
— Не плачешься. Иссакли слезы,
Мою оплавивая Русь.

О звезды! Мавки вселенной!
Как вы тревожили в эту ночь...
Но вы не можете помочь —
Что вам бессильные юности тленной!
А может быть, через века
Вызываете вы к людям сильным:
Беда кружит над вашими сыном,
Спасайте, время есть пока!
А он бредет...
Холодный пот
Влестит на лбу...
В сапеловый восток:
— Постой! Воды ты все ближе
к смерти,
Постой, пережри судьбу!
Уже чернеют среди тьмы
Крылом вороним пистолеты...

О, как доверчивы поэты,
Как мало берем их млы!

Сад стонет. А друзья молчат.
В снегах сибирских их могилам.
А солнце молча породило
Восток, похолой на закат.

Задумчи и суров во мгло,
Застыл Эльбрус
под белой буркой...
И плачут свечи на столе
За сотни верст от Петербурга.
Спартански сироким твой примет,
Изгнанным, сосланным под пули...
Вот две звезды в окне свернули,
Как два кинжала...
Кто же тут
Живет!
Дингит, позвиль вои!
Вот пистолет, пока спокоен,
Вот сабля, скрытая в ножах,
Седло и бунра боевая.
Здесь, в бедной комнате,
Я знаю,
России горестный напев:
И песни на проселках пыльных,
И еле слышимый шепот слышных,
И горный скрип крестов догилых,
И жизненнолюбе, и гнев.
Тоска и гнев — в глазах поэта,
В его поэмах недопеты,
В словах, которые швырнул
В лицо убийцам он когда-то...
Здесь все, что для России свято,
Все, что останется в веках:
Бунт на Сематской,
Тракт в снегах,
Надежда, скрытая глубоко...
Всегда недлинной путь порока
С грядущей песней на губах...

Здесь Лермонтов.
Сама луна
В стекле мерцает, как чернила,

Я не сторонник того, чтобы один поэт представлял другого поэта. Стихи должны говорить сами за себя. Все остальное — особенность судьбы, горные уступы биографии — это дело третье.

Но аварец Омар Гаджи-Шахтанов — особый случай. Я говорю о нем, как горцы о горце. Я говорю о нем от имени наших горцев-земляков, которые давно уже любят его поэзию. Эта горская тропинка соединяется с озерной дорогой всеобщей культуры. Я приветствую начало дороги! Начало тропинки и соединение дорог. Рядом с этой тропинкой шла молодая

русская поэтесса Ирина Озерова в горском платке. И, я думаю, тропинка не потеряется в большой дороге.

Поэма «Встреча» — это тоже слово горца о горце. Гаджи-Шахтанов однолюбо: все свои поэтические привязанности отдал он Лермонтову. Эта поэма — только одна из встреч, многих встреч в горах и за письменным столом, встреч, которые всегда продолжаются!

Рисун В. ГАМЗАТОВ

РИСУНОК В. АРОНИНА

Поют перья очинная
Чужая ночь.
Теперь она
Спит в саду, храня молчанье,
И слыша вечных слов звучанье,
Не движется, поражена.
Прорезан ною ущельем дневным...
Так на пице горы морщинны
Рисует грозной нотой...
Взгляните, люди, в эти очи —
Они полны печальною ночью,
Но в день, когда во тьму дорог
Уходят слова любви и боли,—
Потухший оживает очаг,
Хлеба взойдут на мертвом поле,
И молния, как свет в очах,
Сверкает, кара, над короной,
И встанет мир непокоренный,
С колен отряхивая прах.
И скандин свиснет, и друг
Уме предать не сможет другой.
И гений, взглядев вокруг,
Впервые вырвется из круга.
И убьют человека,
Не улыбаясь ни разу...
Несут в себе грядущий век
Два черных, непрелюбных глаза.

●
Так высказались, заговорил
Ты видишь — горы, словно к сыну,
К тебе прислушались, вершинам
Подняв над заревом зари.
Заговорил
И молния ты:
— О, Русь мой! О, Русь! Больная!
Мое стих — лишь добрые ботинки,
Но рана ее кровит сполна,
Перо обманыва в кровь,
Ты в несамых твоем...
О, Русь моя, мое любовь!
Я люблю тебя, но много пропал,
Дай бог, что даже смерть ты
Плотно став надмогилью
Над бедностью твоей осенней,
Расплывшейся во все края.
Но, став другой, все будешь ты
И дороге мне и близка мне

И высечешь слова мечты
На этом надмогильном камне.
Умолкни я, но много раз
К тебе вернусь...
И новым сыном!
Не смолкнута никогда у нас
Высоким песням журавлиным.
Умру. Но будет новый день,
И солнце пролетит над гробом...
Все, кто любил тобой, — мишень
Им, чужанам надменно-любным.
Рыцарь, Пушкин...
Сю смертью
Говору для твоих детей.
Сибирь, петля, свиные, чухотка —
Регламентированным четко
Мир пессим, разума, страстей!
Так чья же очередь сейчас!
Кто виден в прозеи прицела!
Быть может, я...
И кровь, сончас,
Сожмет очком соевым тело.
А тем огнем я снечь бы мог
Торнуть своею.

●
Системный опыт
Я накопил в пылях дорог
Под повиснет пыль и конский топот.
Война — со светской светой,
Опыт война — с самим собою...
Верста бежала за верстой,
Я шел вперед, готовый к бою.
Был, как пощечина, мой стих,
Ненгаграмм, как знак позора.
В нем — разн чужой мох
И гива сине озера
Мне снится. Им жизнь моя нужна.
Что ж вы покинете со мною...
Могла тесня смешива
В сравнении с нашим торьюмо.
Обширней вава во сто крат,
И во сто крат она темнее.
Мне жизнь не удержать...
Знает
Уже кровявится над нею.

Укорит лочь.
Уснул поэт.
Спит русский на груди Кавказа.
И, солдцем горным обглет,

Не ждет решающего часа.
Но в чреве туч, в сияющей мгле
Гром черной дым помы тантса...
Беда сегодня на земле
Непокоренно разразится.

●
Шаги отмерены. Звезден
Курок.
Лучи летят, не грес...
Недомокши лес и напартом,
Как перед залпом батареи.
— Постояте, люди! Не стрелять!
...Сопетье между нами встало...
Но, нес, как ты посылал молчать!
Ты, небо, помчи молчали!
Неужто вам и негодком,
Что эти двое на души —
Полоз! России и пророк!
Так как вы промолчите посмел!
Летите же в мой вал, орлы,
Кричите, чтоб найланта мгла
Опять готовится прервать
Жизнь русской гордости и славы,
Кричите, чтоб не смог опять
Перекрыть орла двуглавый.
Голубой! Женщин наших гор
Селмабай! Пусть платок сплывають,
Как молчаливым свой укор,
К ногам дерущихся бросают.
Прочту у вас в глазах тоску.
Они отбросит пистолеты.
Но пулю — новую строчку
Посвет им в груди поэта.
Но все безомыствуют ясса,
А небеса глаза завырмы,
И кто не слышимый голоса...
Неужто споманы их крылья!
Пыль бранных троп вклин в горах...
Ильма, куда же вы спурини!
Шамлье, его твой давней арг
Подставил под твою же пули!
Ах, как он одхонново пел
Вершини песье... Ильма суровый,
Вступили! Водь донемю быть предел
Для этой твари двуглавоной —
На белой турне из Анди

Не дай замесить каплями кровю.
Ильма суровых гор, приди!
Он — сердцем наш, он — наш
любовью.
Русь! Где же ты...
...Но грянул гром.
На земле, как на черной горб,
Как нар, роняет слезы греб,
Да, пистолетный выстрел ты.
Но вздрогнули леса России.
Дуэт лучших символов своих
Русь потеряла...
Плачь о сыне!
Два ветки дара славы, два ума,
Два сердца. Торжествуйте же
тираны.
А ты, России, понесешь сама
Сквозь время два зноющие раны.
В семнадцатом свершишь ты
высший суд
Ответь ружья древним пистолетам,
Вторую молодость твоим поэтам.

●
Рожден я после гибели твоей,
Но лески — наше общее богатство,
И мы свой возраст меряем по ней,
И встреча продолжается и братство.
Пусть не поэт я. Но безмерно горд,
Что я наследник тех отцов и дедов,
Что отомстив в тот Октябрьский год
За бунтарей, а значит — за поэтов,
Горжусь, что мы сыны земли одной,
Что мы навеки стали мушкетерами,
Что ты, осовая мой злая родня,
С аварецким говором на годзиле.
Ты в бурье, на коне — со мной

и над тобой дом орлы кружится
Ты суждено: в и сыстие и в беде —
Повсюду нашей встрече
продолжаться!

Перевод с аварского И. ОЗЕРОВОЙ

С академиком А. Л. ЯНШИНЫМ
беседует специальный корреспондент «Смены» Марк БАРИНОВ

Кто из нас не мечтает в моменты о больших делах, о дальних дорогах, о авантюристических приключениях? И пристально всматриваемся мы в лица людей, которые смогли воплотить в жизнь наши собственные мечты и надежды, вслушиваемся в их слова. Мы ищем радости успеха, ключи к победе.

Несколько лет уже я знаком с академиком Александром Леонидовичем Яншиным, одним из крупнейших геологов нашей страны, человеком интереснейшей судьбы, могучей работоспособности, неиссякаемого оптимизма. Он вступил на геологическую тропу давно, почти сорочь лет тому назад, прямо со школьной скамьи, а уже через год-полтора его старшие товарищи говорили, что у Саши Яншина особый талант и геоинтуиция, средой тому, какой бывает у крупного музыканта, писателя, поэта.

Уже после первых встреч с Александром Леонидовичем я понял, что непременно должен познать

жизнь с ним, с его судьбой, мыслями возможно большего числа молодых людей, интересующихся жизнью. Он из тех, кому стремился подражать «большая, обдумывавшая» жизнь».

На этот раз наша беседа началась с небольшого спора.

— Как быть молодому человеку, если и геоинтуитивы поныне не нашли своего пути? Если не сумел поступить в институт по душе? Если ему не нравится избранная профессия, а у него уже нет по трудовой дорожке?

— Мне постоянно приходится иметь дело с юношами и девушками и здесь, в Москве, и в Новосибирске, и во время встреч в геологических партиях. Думается, что ваши вопросы, если они и имеются, так сказать, право на существование, то относятся к очень небольшому числу молодых людей. У меня сложилось впечатление, что и семидесят годов подавляющее число юношей и девушек уже нашло свой путь. Пусть это не точно:

ДАВНОЕ В

физин-атомичи, слесарь-лекальщик или врач-педиатр. Но по моменту означания школы, по педагогическому человеку уже знает, верно, ясно ощущает, что ближе всего ему: зеленые просторы лесов, птичий зенит в чаще, шипест трава или музыка сложившихся уравнений, стройная архитектура формул.

А разговаривая о профессиональном ориентации, психологические исследования на предмет определения склонности и будущей профессии, о которых сейчас много говорят, пишут, переживают ли те же?

— Меньше, наша стая многообразна, поток информации так велик, молодежи с своего раннего детства приходится сталкиваться с новой информацией, но интуиция, что вряд ли есть необходимость в каких-то специальных институтах профессионального ориентации.

Ну, а что касается других ваших вопросов, то что же было, если сблизился на эндемике в какой-нибудь институт или техникум? Ведь у нас possuку что-то было, в частности, в Новосибирске.

— Сколько других путей идет молодого человека по выходе из школы: завод, поле, цехина, новые учреждения нашей страны, все это предоставляла школа жизни, великолепный лагуна для проверки сил и возможностей. И человек, не удовлетворившись в избранном деле никогда не поздно, Эриксон, что пробуждается свет иной жизни.

Нет, дорогой Александр Леонидович, проблема не есть Просто и не так, значит, поставил во-

прос. Все, что вы сказали, абсолютно верно, если считать, что молодой человек обладает вполне сформировавшимся характером. Если же нет, то что требуется для достижения цели, для победы, мужества, честолюбия, что свет иной жизни? Если этого нет еще? Впрочем, поставим вопрос иначе... Александр Леонидович, а как начинали вы?

— Меню прочли, с решения ты не проблемы, с которой мы только что говорили учиться не работать? Во всяком случае, в семнадцатом лет, после окончания школы, я не предполагал, что стану учеником, и даже в институт не собирался поступать. Меня очень влекли путешествия, и уже тогда очень любил природу и все окружающее, мне вникало изведать романтику странствий по давним, незадавленным ирландии. Точной профессиональной ориентации я тоже не имел. Но во мне было очень сильное желание стать строителем, которое так ясно выразило в древней поговорке южнорусские: «Душу мовада (мочевина) дано зовети».

Моя первая «академическая» должность была — «коллектор». А попусту говорить, почти разрабатывая в экспедиции.

Представьте себе: выжиженная степь, волнистый ландшафт, расклеванное солнце над головой и латунирование поверхности Аральского моря на горизонте. И вы, который уже день бредите по степи. Провалит, платаны, приборы — все, себе на лошадей и верблюдов. Буровой инструментом тоже с собой. А потом приходил к местам выходов фосфоритов, приступали к ручному бурению. Да, да, ручному! По два человека попеременно мы углублялись в землю, черпа три — пять метров. Выжили инструмент, брали прибор, а затем снова шли дальше в глубину, снова эти трудные труды.

И было еще одно очень важное обстоятельство. Завершив каждое лето в очередную экспедицию, мы все — и я тоже — ясно сознавали, как важен, как нужен стране наш труд. Начиналась индустриализация, начинались военные стройки, и несомненно было буквально все: минералы, металлы, медь, уголь. И все это требовало от нас, геологов в семнадцатом-восемнадцатом лет я уже понимал и ощущал во всей полноте это горькое, великое чувство ответственности за свое дело.

А тут еще начались личные сложности. Уже в третьей экспедиции мне доверили обязанности геолога, геолога, фактически обязанности геолога. И вот, возвращаясь в Москву, в наш институт, я обнаружил свалку образцов, привезенных нами из степей, стараясь понять происхождение, однако уверенности ощущая недостаточность знаний. Именно в эти годы я почувствовал, что геологом для меня — это любовь навсегда и покаяние. Но для того, чтобы эта любовь не стала несчастной, мне совершенно необходимо было получить систематическое образование. Я решил поступать в институт.

А вместо этого на следующий год меня назначили начальником геологической партии. Мне не было еще и двадцати, а уже начинался оккупационный период. Была поставлена острая задача — обеспечить фосфориты для начинающейся химизации сельского хозяйства страны. Выхода не было. Работать и учиться! Нет бы! Не было. Я отлично понимал, что не за блестящие заслуги, не за исключительные таланты, а потому что я был именно на такую высокую должность. Просто тогда было еще очень мало геологов в стране, а я имел опыт работы и учился, но все же опыт работы в экспедициях, я был нужен. И потому даже ради учебы и не имея права бросить, хотя бы на время, работу.

— Так, значит, главное, что двигало вашими поступками в ту пору?

— Любовь и чувство ответственности. Любовь к природе привела меня в геологию. А чувство ответственности родилось из доверия, оказанного мне Родиной. Быть может, это звучит чуть-чуть высокопарно, но, вспоминая тот удивительный

бы» может слушать влиятельные дополнительные увещания на основном деле.

Мне хочется вернуться еще раз к вопросу об образовании и самообразовании в наше время... Вот вам пример из области геологии. Когда мы начинали, геология была, так сказать, «на порогах». Значит, это исторически сложившаяся «собирательная» Люди собирали, что лежало на поверхности планеты в течение тысячелетий, собирали сейчас и в геологии. Мы брали полезные ископаемые прямо из-под ног. Настоящая геология, как это мы парадоксально звучит, еще и не научилась.

В последние годы все чаще в печати, научной и популярной, звучит понятие «эволюционной геологии». Появляются различные цифры: углерод захватит человечеством за двести лет, нефти на пятьдесят, металлов на сто... Все это, разумеется, несерьезный разговор. Просто зачерпывают черепуху «собирательства». Наступает пора вскрытия глубины, геологических несовершенных изданных приборов. Каким предостит искать, находить, вслушиваться скрытые на разных глубинах еще земной поверхности ископаемых. А для того, чтобы их находить, мы должны познать анатомию планеты, расширить теоретические познания в области строения земной коры. И такая теория уже начала складываться в значительной мере учеными нашей страны. Важной частью этой теории является учение о формациях, сформулированное академиком И. С. Шатским. Оно представляет собой новый и расширенный невидимых запасов сырья для нашей промышленности. Это новый этап в развитии геологической науки.

Нет нужды доказывать, что в наше время при всей моей любви и долгу, при всей оптимистичности и никогда не был бы назначен начальником партии, как скоро лет назад, если бы не выжили бы теоретических знаний. Если вы хотите быть на рубле событий, если хотите двигаться свое дело вперед, а не плыть в хвосте событий, геологие теоретические знания как нужны науке и народу.

В наше время, иначе, человек, работающий в сфере обслуживания, должен хорошо разбираться в социологии, экономике, психологии, для того, чтобы полностью овладеть своим делом. А востребован мастеру, слесарю высшей квалификации, например, необходимо знать и математику, и механику, и физику... Прогресс сделал еще один шаг на высшую ступень, и человек в наше для должен соответствовать уровню прогресса.

Наш разговор подошел к концу, но мне хотелось задать Александру Леонидовичу еще несколько вопросов, быть может, и не совсем относящихся к теме беседы.

— Александр Леонидович, не скажете ли вы мне несколько слов о самовоспитании в человеке смелости и настойчивости, выдержки и мужества, спокойствия, без которых не мыслится успех в любом большом деле?

— Не скажу. Потому что боюсь, что сплужу в своем ответе на заблужные истины. Мне думается, что в этой проблеме лучше обратиться к специалистам критических словани к себе — и старшему поколению. Я считаю, что надо говорить не о самовоспитании, а в первую очередь о воспитании в молодом человеке — робине, школьнике, студенте — вот этих самых качества, и которые можно еще добавить: величия, воспитанности, дисциплинированности. Ни семья, ни школа, ни институт, ни молодежные общественные организации, ничего не делают достаточного внимания учиться самым элементарным вещам с самых ранних лет. Как переходить умку, как вести себя, если встретились с хулиганом, как держаться за столом, и еще десятки, если не сотни вещей надо учить так же серьезно, как учат таблицы умножения или алгебры. Вот, мне думается, о чем следует думать, писать, говорить.

— Существуют ли, по вашему мнению, мужские и женские профессии?

— По-моему, да. По закону у нас женщины и мужчины равны. Но есть такие профессии, от которых мы должны оберегать женщину. Например, от профессии каменотеса, землекопа или геолога-разведчика?

— Да. Ведь, кроме геолога-разведчика, того самого, о котором поется песня и которого показывали в кино с рюкзачком за плечами, геологические профессии в руках, выполняются по типу, существуют еще множество специальностей геологов.

Молодые люди — юноши и девушки — после института с удовольствием идут в разведку, в поисковые партии. Там они получают хорошую практику и знания. Но через несколько лет перед девушками встает важнейшая проблема — проблема материнства, подгоновки и рожу матуры здоровым семен. И тут возможно очень простой, вполне почетный выход из положения. Ведь существуют целые области в геологии, «обслуживаемые» женщинами. Мы имеем крупных ученых-женщин в минералогическом, палеонтологическом, словесном, а других областях, не менее уважаемых, чем волевые исследования. Я убежден, что и в металлургии, и в строительстве, и в транспорте есть такие профессии, которые с полным успехом и без всякого ущерба для семьи и детей может выполнять женщина. Но мне всегда было очень больно и досадно видеть женщин на тяжелой работе. Это нечестно и негибкость руководителей, неуважение к их стороне и женщины.

— Что бы вы хотели сказать в заключение нашей беседы читателям «Сместы»?

— В далекие времена, в эпоху Возрождения, жил в Италии великолепный человек. Ученый и философ, писатель и поэт Пино деада Мирандола. Он сказал прекрасные слова: «Днище и возвышенное назначение человека — быть тем, чем он желает быть, и стать тем, чем он желает стать». Тогда это звучало как мечта, как уход для немногих счастливцев. Сегодня это реальность для каждого. Сумейте использовать ее!

Репортаж специальных корреспондентов «Сместы» В. МИХАЙЛОВОЙ и В. ЧЕЙШИЛИ (фото) из военно-спортивного лагеря «Призывник»

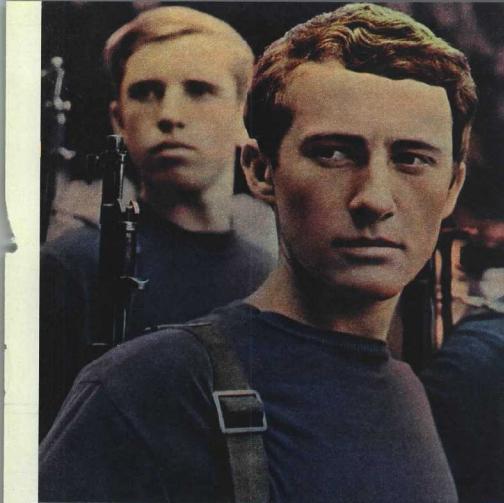
—Дождь теплый, обложной, безудержно лил вторые сутки. Но никто не спешил укрыться от него. Будто и не прилипли к печам до последней нитки промокшие футболки парней и отваливавшие от воды гимнастерки саржамот. Рота шла в тир. По расписанию — стрельба из боевого карабина, поправка на дождь тут нет. Да к тому же солдат всегда солдат, Г работая, солдаты без пяти минут, идут ровным строем вдоль длинного поля сторбишника подсолнуку и, как повелось с первого дня лагерного сбора, идут с песней: «Путь далек у нас с тобою, асолой, солдат, гляди... В тире, глубокою рву, воды — как в тумане тумануею сунду. Но отарена положенная дистанция, аминем давно на месте. Можно начинать.

— Первая десятка, к огневому рубежу!

Как вкладывают патроны, как закрывают магазин, как нажимают на спусковой крючок — обо всем еще раз напоминает командир роты. Боевое оружие впервые в руках ребят, их робость, скованность в движениях вполне естественны и простительны. Правда, из мелкокалиберной винтовки они уже отстреливались, и результаты приятно поразили командиром, но «мелкашка» не сравнится с карабином.

— Приступай к стрельбе!
Десять парней опускаются на мокрую солому, закладывают патроны, принимают почтене карабины к плечу. Один за другим срываются выстрелы.

*Нужно будет, пойдут
в бой хоть сейчас.
Не струсит.*

— ...призывник Погребник стрельбу окончил.

— ...призывник Вдовиченко стрельбу окончил.

— ...призывник Мотрук стрельбу окончил.

Наготове следующая десятка. Миссии вздрагивают от частых попаданий... Возвращаясь, рота, какется, и шагает дружной, и головы выше, и песня громче.

Потом, обсушившись и переодевшись, делятся хлопцы впечатлениями, смеются: кто-то, испугавшись первого выстрела, нажал на спуск, толком не прицелившись, а кого-то больно в плечо толкнуло. Но настроение приподнято не прошло. Это было боевое крещение, давнее им, мальчишкам, силу, уверенность в себе. Надиром уже в серьезном разговоре без малейшей доли рисовки и бравады один сказал: «Нужно будет, пойдём в бой хоть сейчас. Не струсим».

Идея организации военно-спортивных лагерей возникла несильно лет назад, и родина ее здесь, в Винницкой области. Ребята живут в палатках на берегу реки, как, например, возле Брацлава, или в помещенные школы, как под Жмеринкой. Река рядом — легко сдать зачеты по плаванию и вождению моторной лодки, «близки колхозы» — материальная часть уже другая — тракторы и автомашины, и программа составляется с ними условно. Но идеальный вариант лагерных сборов, конечно, на базе воинской части.

*Результаты стрельб
приятно поразили
и призывников и
командиров.*

Воспитать у призывников любовь и Советской Армии, моральную стойкость и выносливость, ознакомиться их с военными уставами, жизнью воинской части, видами боевой техники и оружия; укрепить здоровье призывников и привить боевую подлинность; подготовить и сдать норм на знанок «Готов к защите Родины» —

ГРАЕДТ СБОР

Хотелось приобрести такую же выправку...

Вукваляно заворожены были ребята сложнейшими установками.

Воевое оружие впервые в руках ребят.

ют заповеди начальной подготовки призывников во время лагерных сборов. И осуществлять их проща всего в воинской части, где в распоряжение ребят командование предоставляет и пресловутые спортивные комплексы, и учебные лаборатории, и необходимое оружие, а «учителями» становятся бывалые офицеры и сержанты.

Юношей, освоивших азы военной службы, — умеющих ходить в строю (а это нелегкая наука и не всем сразу дается) и обращаться как положено к старшему по званию, научившихся владеть оружием, словом, вжившихся в солдатский быт, — ждут в армии. Они, уже почти «грамотные» солдаты, с первых же дней могут приступить к изучению и обслуживанию современной военной техники.

Сегодня, когда в стране действует Закон о всеобщей военной обязанности, лагерные сборы для призывников приобретают особенно важное значение. В Томашпольском районе, Винницкой области, статьи закона, предусматривающие обязательную диспризывную подготовку молодежи, строго соблюдаются и районным комсомом, начальником лагерного сбора «Призывники» Антоном Алексеевичем Супруном, и первым секретарем райкома комсомола Владимиром Кечавалом и работниками райкома партии, ДОСААФ и райспецсоюза. Не удивительно, что все десять дней лагерного сбора прошли в напряженной, по-военному четкой работе: одна рота стреляет, другая занимается строевой подготовкой, третья «атакует» спортгородок. После обеда роты меняют «позиции» и продолжают изучать устав, оружие, повадки радиостанции. Под руководством опытных

командиров сбор с первого дня действовала с точностью хорошо отлаженного механизма.

...Когда Александра Ивановича Лычгина, преподавателя одной из салеских школ за Томашполем, вызвали в военкомат, он недоумевал. Потом несколько раз невольно возвращался и разговор с военкомом Суприном, который предложил ему командовать ротой лагерного сбора призывников, рассказал, какую физическую и моральную закалку получит молодежь в дни сбора, просил подумать и не отказываться.

...Хорошую песню поют его хлопцы, мужественную и ириную: «безусые комбаты ведут своих орлят, когда поют солдаты, спокойны дети спать». Поют по пути в столовую, на лекции, на стрельбы. Он был чуть старше, когда шатавал в строю, лаял «вставай, страна огромная, вставай на смертный бой...» Внимательно присматривался Александр Иванович к своим новым ученикам. Поблажен, конечно, не давал, а за результатами следил ревниво. Хотелось, чтобы они стали сильнее, выносливее, сообразительнее. Больше других запомнился ему Володя Пашковский, спокойный, с задумчивыми, даже грустными глазами. В левой руке — раскрытая книжка, в правой — трубка, плотно прижатая к губам. Камешком, трубач самодеятельного оркестра железнодорожного клуба станции Ванькира, военных сигналов он не знал и играл пока по нотам, сосредоточенно, а чуть замедленным темпе. Сигналы трубача волновали. Для Лычгина это давнее прошлое, а ребят звуки трубы завели в дорогу. Они, только выдвигаясь свободная минута, окружали Володю, и он в полной тишине

подолгу играл что-нибудь малолучное, тревожащее... Мальчишки были внимательны, серьезные, и Александр Иванович считал такие минуты удачными полнотами.

...Первое комсомольское собрание — оргпротоис — было лживо-ничем и единодушным. Секретари комсомольской организации выбрали Володо Вдовяченко. Крепкий, коленастый, Володя был чуть старше остальных. Работать сразу же привлекло его спокойная, уверенная манера держаться, совсем взрослая рассудительность. И особенно то, что Володя умеет уступать — посылать в сторону. Вероятно, в один из мореходных и поровал радостно на пассажирском судне «Молдова».

Нельзя до десяти дней, и без того заложенных строгих сроков, распорядком, можно сделать комсомольское бюро. Не удалось выкроить время для соразнования (работы есть ребята, они мечтали о футболе) или для организации концерта само-

деятельности, но в каждой ролю, например, появились «бювие листки».

Содержащая служба открылась для местных призывников несомненно и интересно. Зависть вызывал и лихой стреловой шаг (когда чувствовалось, что идут не просто тридцать человек, а один взвод) и что-то особенное, нахвосте в маршевой песне, было неловко за неровную свою колонну, шагающую сбивчиво, хотелось скорее приобрести такую же выправку. Буквально заперевшись были ребята сложнейшими установками в лабораториях. Сами шиферы, трактористы, электрики, знающие толк в технике, они глаз оторвать не могли от пультов с множеством разнокалиберных рычажков и кнопок, возле которых привычно и уверенно ежово-дошли шефы. Вероятно, в один из таких моментов родились в «бювие листки» эти искренние строчки: «Когда мы будем служить, то отдадим Родине все силы и все то, чему научат нас тут...» Возможно, это стало

«СОСВЕ»

ПОЛО НЕПРЕМЕННО БУДЕТ ВОДНЫМ!

Уважаемая редакция! Мне хочется поделиться некоторыми наблюдениями, сделанными за последние годы в нашем «Смене» на тему водного поло (статья Ариадны Галинско «Поло водное или подводное?», № 11, 1968 год). Оно весьма уже определенно оформилось и в настоящее время реальное предострижение оздоровления действительно задерживает в тупик игры, вернее, это настолько сильно затормозил, что журналист, неоднократно освещавший ватерпольные турниры различного уровня, ни не только так бывший автором многих специалитетов, в том числе с теми, кто стал профессиональным тренером, либо отвечающим за развитие этой игры в спортивных обществах, либо судит ватерпольные матчи. Выступление журналиста получило у них практическую поддержку. Но имело еще, и сомаление, достоянием даянам, чтобы исчерпывающе информировать «Смену» о результатах, достигнутых в других местах, именно там, что сделано уже в Москве, стоит, мне кажется, рассказать более или менее подробно.

Известный специалист водного поло П. Шубин, заслуженный тренер СССР, подготовивший за последние годы немало первоклассных игроков, и его молодой коллега Ю. Сомов (оба работают в спортивном обществе школьников «Юности») провели со своими ребятами, хорошими уже ватерпольнистами, экспериментальную игру, в которой правило неприкосновенности игроков, не владеющих мячом, достигнуто четко контролировалось судейством. А ведь это и есть решение проблемы! Вероятно, и в пору редакцию и сообщением о том, что решающим решением, тут сыграли роль «Юности», как мне кажется, было найдено одно из наиболее чистых для судейства расстояние «вытнутой руи». Тут не требуется никаких сомнительных тонкостей «рулетки глазодера», неприкосновенность игрока общающаяся с мячом «вытнутой руи» абсолютно, она сохраняет для игроков обороняющейся команды хорошие шансы на достижение цели для сблизнения с игроками атакующей команды в тот момент, когда один из них получил мяч, ведет его или держит на руи.

Пышу обо всем этом с такой уверенностью потому, что видел экспериментальную игру своими глазами, знаю, что видел ее судей. Фиксировать нарушения мне было легко и просто. Но даже в этой первой попытке экспериментальное решение пришло к нам очень редко, попользовались свистком. Честно говоря, истинно спортивной игра шла непрерывно. А манера была она зрелищно интересной! Иногда матч закончился, а наблюдая за игрой толпой и говорили об этом. И еще о том, какие возможности открываются для развития ватерпольного спорта (вернее, множества таттин и техники). Прибавить к этому значительную версую за последние годы спорность плавания, и мы согласимся, что водное поло при условии введения новых правил не только преодолет «кризис», но и приобретет популярность и раскату своего былых времен.

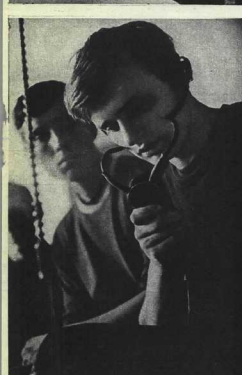
К слову сказать, в экспериментальной игре команда «Юности» была опробованы и некоторые другие усовершенствованные правила. Для того, чтобы команда, владеющая мячом, не могла использовать неприкосновенность своих игроков, маневрирующих без мяча, для неспортивного выигрыша времени, было установлено — по баскетбольному принципу — «правильно тридцать секунд». Назалось бы, для водного поло, где игроки плавуют, а не бегают, тридцать секунд в течение которых команда обязана совершить бросок по воротам, слышимый командой, а не прыгать, это правило вполне достаточно для создания интереснейших спорных тактических рисунков. Передать мне обороняющейся стороне из-за превышения времени на протяжении всего матча никак не удавалось. Было необходимо, напомним, напомним: за три нарушения расстояния «вытнутой руи» команда наказывалась «шлякати» четырехметровым штрафным броском, и это тоже похорошело обостриво игре. Главное же, повторю, состоит в том, что водное поло может (вполне момент) навсегда лишиться своего безразличной «подводной борьбы», перестать быть игрой, построенной исключительно на зрелищности.

Следует сказать, что в стороне от проделанной работы по-прежнему стала Федерация водного поло СССР. Впервые в Олимпе и ней особенно строго, ведь и выступление «Смены» и начавшиеся эксперименты совпали с последним, решающим этапом продвижения ватерпольного спорта в усилия Федерации были сосредоточены вокруг сборной страны и ее подготовки к предстоящим играм. И именно теперь, когда Олимпиада позади, федерации ни в коем случае не должна оставаться сторонним наблюдателем. Тем более, что XIX Олимпиада, на которой олимпиада и неслучайно извиненда картинка, обрисованная в «Смене». Ни малейших изменений не ждут в малом, нетренируемом отделе. И именно правила игры, которые были приняты ФИНА в Мехико. Мне кажется, что после обрешенной Олимпиады, в которой следовало бы организовать и провести по экспериментальным правилам турнир нескольких команд, все участники которого должны получить специализированные знания и победители — памятные призы. Может быть, «Смена» согласится дать этому турниру свое название. Успешно проведя на в нем можно не сомневаться! логически правды, а в следующем году проведение по новым правилам чемпионата СССР. Его игра вызовет интерес всех ватерпольных клубов и любителей сейчас водное поло. Перед зрителем предстанет новая игра, к которой уже не будет равнодушными.

БОРИС ЧЕРНЫШЕВ,
мастер спорта СССР

По расписанию сегодня — карабин.

Рядом входит в коллеже «Гоголь» и защите Родины.

поводом для следующего комсомольского собрания, и Володя Вдовяченко прочитал около двух десятков заявлений: «Прошу принять меня в ряды ВЛКСМ...»

...И шефа сбора было тесно и дышно. Подполковник Сурури и командир рот склонился над картой: с наступлением темноты начнется крупная боевая операция по уничтожению десяти противников, и не мешать лишней раз проверить маршруты отрядов. Сержанты записались ракетницами, взрыв-пакетами. На фоне темно-синего неба вечернего неба появились тоненькая фигура — Володя Пашковский играл «общий сбор». Роты призывников строились, готовые к бою...

III

Дженни Конрад с тревогой оглядела юркий бар. Этой ночью в клубе почти не было одиноких мужчин, и Дженни начала несколько себя чувствовать. Она понимала, что долго не сможет сидеть в одиночестве за столиком и улю зааа.

Когда Дженни уже окончательно решила, что болные не может тут оставаться, она увидела, как к ней направляется высокий мужчина с безупречно сияющим смокингом. Он поведял у ее столика и улыбнулся широкой, дружелюбной улыбкой.

— Не говорите мне, что он подвас вас, — сказал Сейгел, наклонясь над ней. Она почувствовала, что он пытается смутить ее взглядом, и отступила назад, немного встревоженная, но в то же время радостно возбужденная.

— Ну да, — сказала она и посмотрела на свои часы. — Он опоздал, но он придет. Он... всегда опаздывает.

— Мишанна не должна ждать мужчину, — сказал Сейгел, улыбаясь еще шире. — Не могу ли я завесть его место?

— Она притворилась, что колеблется.

— Прощо, я не знаю. Мы ведь совсем не знаем друг друга.

— Он все же сел и стонугу. — Это легко исправить. Меня зовут Луи Сейгел. А кто вы?

— Дженни... Конрад.

— Ну вот и хорошо, — сказал Сейгел, — теперь все в порядке. Видите, как это просто? Давайте выпьем.

— Все еще удивилась, как это Конрад подвинул себе такую хорошеющую женщину, и сейчас в тесном соседстве с ней снова подумал об этом.

— Не вас ли я видел тут несколько дней назад? — спросил он.

— Вы никогда не замечали в глазах Сейгела откровенное восхищение, когда он смотрел на нее. Она сразу же почувствовала, что Сейгел опасен.

— У вас промелькнула нехорошая мысль, — сказал Сейгел. — Уж он-то знал женщину. — Мы будем знакомы!

— Вы говорите загадками, — сказала она, — но я голодна, и поэтому и буду выпивать.

— Чураско. Пока вы пудрите свой хорошеющий носик, — сказал Сейгел, — я успею позвонить. Давайте встретимся через пять минут.

— Мне нужно былое пять минут, чтобы попутряться, — сказала Дженни, пытаясь не ропотуть, чтобы ее номандовали.

— Через пять минут, — повторил Сейгел, улыбаясь, и быстро прошва через весь бар и гости-

ной, где было увелю скрыты несколько кабин с телефонами-автоматами. Он набрал номер И, омида Луи его соединит, закурил.

Дженни поставила его в тупик. В чем тут дело? Разве Конрад разрешит своей жене прийти сюда одной и вести себя так только для того, чтобы иметь возможность сделать неприятность Сейгелю? Он сомневался в этом, но все же решил играть свою роль осторожно.

В трубку прозвучал щелчок, и медовольный голос Глеба Моу проорчал:

— Чего надо?

— У меня есть для тебя работа, — не называя себя, сказал Сейгел. — Если с Питомо нужно будет сделать ее, понятнот Пит сделает дело, а ты позаботишься о мелочах. Развзай Питта и скроег у телефона до тех пор, пока я вам не позвоню. Дело должно быть сделано в течение тридцати минут после того, как у вас будет адрес, после этого появятся фарзаоны. Дело очень важное, низких промахов. Моу. Я назначаю тебя ответственным, понимаете?

— Понятно, — сказал Моу. — Сделаю это аккуратно, без шума и быстро. Я могу позвонить тебе с этого момента в любое время.

Сейгел повесил трубку, быстро прошва по коридору в свой кабинет и открыл дверь. Маурер и Головин все еще были там. Но теперь и ним присоединилась Долорес, жена Маурера.

Она повернулась на высоком сиденье и улыбнулась ему. Это была насмешливая улыбка ирландской женщины, которая знает, как действать на мужчин.

— Халло, Луи, — сказала она. — Как progresses твой роман?

Сейгел изменился в лице. Он быстро посмотрел на Маурера, затем на Головача. Он знал, что Головач сидит с ума по Долорес и что у Головача есть шансы. Если с Маурером что-нибудь случится, то Головач не только завладеет организацией, он зашлет и Долорес.

Маурер спросил Сейгела:

— Что здесь делает жена Конрада?

— Не знаю. Она будет умичать с мной. Я уверена, что она просто умират от жевания покусывать твою изумительные руки в коридоре. Это оттого не помелает? — насмешливо сказала Долорес.

— Уайд, Долли, — пригласил Маурер, не оглядываясь.

Она вышла, зная за собой дверь. Маурер раздраженно взмахнул руками. — Вот чертова баба!

— Мы не должны заставлят миссис Конрад ждать, — сказал Головач.

— Это верно, — сказал Маурер, глядя на Сейгела. — Подружись с ней, Луи. Она может нам пригодиться, но попридержи язык. Проверь, не пришла ли она кое-что выведать.

Сейгел встал и вышел в коридор. Дженни ждала его в кюитинг-баре.

— Ну и уй! — воскликнула она. — Сказали, пять минут, а сами пропадали четверть часа. Он улыбулся.

— Абсолют был занят. Ну, пошли умирать, — сказал он, уверенно беря ее за руку.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

I

Глеб Моу снакнул ничингу со спонсором себе на тореник, добавил два толстые ломта ветчины и отнес тарелку на стол. Это был номеристый, невысокий парень с копкой песочно-рыжих волос на голове.

Пит Веинер наблюдал за ним, стюп у окна.

— Ну, чего уставился? — маршовольно спросил Моу.

— Восхищения твоим аппетитом, — сломанно сказал Пит.

— Чем восхищаться, лучше бы сел да поелрал тебе. Все равно делать нечего, только сидеть и ждать.

— Я не голоден. Как ты думаешь, сколько еще нам придется ждать?

Моу с любопытством взглянул на него.

«Парень со странностями», — подумал он. — Кому-кому, обманять его трудно. Любой человек поневоле станет странным, если у него будет такой краснос, как от портянки, литро во всю морду».

— До тех пор, пока не приманут, будем сидеть здесь, — сказал Моу.

Он заснуул ветчину в рот, пододвинул и себе ноде и отпил большой глоток.

— Никан не усеку, почему именно тебе поручили выпомнить это приятнейшее дело, я, слава богу, не умею, пока рука твердая. Я пристунул разлетно мужнико, а ты ведь еще ни одного.

из них достиг Нью-Йорка, другой Майами, а третий доехал до Италки, прежде чем длинная руна обнаружилась. — Пит не думал о себе. Девушка была слишком молода, слишком хороша и слишком добра, чтобы уходить, думая о нем. Единственное, что можно сделать, это предупредить. Единственное, что можно сделать, это предупредить. Единственное, что можно сделать, это предупредить. Единственное, что можно сделать, это предупредить. Единственное, что можно сделать, это предупредить.

III

Полицейская машина в черную-белую клетку свернула на Леннокс-авеню, сбавив скорость до пятнадцати миль в час. Конрад волновался. Когда Мак Кен позвонил ему и сказал, что Фрэнсис Колеман обнаружен на Леннокс-авеню, 35, Пол начал догонять Бардена, чтобы забрать его с собой в полицейскую машину. Скоро ты перестанешь страдать, — сказал, улыбаясь, Барден. — На что спорим, это кто из вас? — Пошли, спросил его, — сказал Конрад, такнувшись в сад. Он остановился, чтобы прочитать таблички с фамилиями владельцев, сбавив скорость до десяти миль в час. Он остановился, чтобы прочитать таблички с фамилиями владельцев, сбавив скорость до десяти миль в час.

Доброе утро, джентльмены! — сказала она, Чего могу служить? Я Пол Конрад из окружной прокуратуры, а это — адвокат из городской полиции, — сказал Конрад. — У нас есть дело к людям на второй этаж. Но их фамилия не выдает. Вы знаете, кто они? Значит, когда они вернутся? Вы старший вышибной большой красивый платок и выстриженный висок. Вы были лучше зашли, джентльмены! — сказал он, улыбаясь, поглаживая в шапурту. — Спасибо, — поглаживая Конрад, прохаживаясь в шапурту. — Спасибо, — поглаживая Конрад, прохаживаясь в шапурту.

— Присядьте, джентльмены! — сказал он. — Разрешите представиться как вышибной человек. Хотите выпить со мной? — Спасибо, полиция, — сказала Конрад. Мы слышим. Вы не заметите, выходя из мисс Колеман сегодня утром из дому?

— О да, он уехал, — сказал полиционер, старательно держа голову с виски и усаживаясь на стульчик. — Вы не должны думать, что я шпаклюю на вас, но их я заметил. С ними кто-нибудь случился? Нет, но мне хочется поговорить с мисс Колеман. С чернойгой? — Полковник улыбаясь. — Я видел ее. — А куда они ушли? — Они что-то там говорили про Луну-парк, — сказал полиционер. — Кажется, один из них предлагал пойти купаться.

Конрад усмехнулся. Он знал, что попытается найти Фрэнсис Колеман. Возможно, я заглуги еще раз сегодня и вечеру. Вы уверены, что ничего не случилось? — спросил полиционер, глядя на Конрада. — Вие не спрашиваете парней, вы знаете, как они выглядят? — Я залезла на маленький типок. — Малый парень, полноватый? — резко спросил Конрад. — Не думаю, что я всегда трою у себя. Мисс Колеман была в хорошем настроении. Она шла вниз по улице, и увидел этого парня в шапурте и медленной шаг на него. Он был в форме, молодой человек, но мне очень не понравился его взгляд.

— А как была мисс Колеман? — спросил Конрад. — С дружины. — Полковник указал свое неопределенное движение. Он был уверен, что это был парень, который носит рубашку поверх штатных, был в форме. — Но я думаю, что эта девушка по фамилии Болл, она толстолицая, как вы знаете, луну. Когда-то она была действительно, но некоторые девушки не обращают внимания на некоторые детали. Она была не так как в мои дни. И не думаю, чтобы мисс Колеман могла походить на нее. — Малый парень, полноватый? — резко спросил Конрад. — Не думаю, что я всегда трою у себя. Мисс Колеман была в хорошем настроении. Она шла вниз по улице, и увидел этого парня в шапурте и медленной шаг на него. Он был в форме, молодой человек, но мне очень не понравился его взгляд.

не видел. У него литно снизу, на правой стороне лица. Бронет, некрепкого сложения, выгладит студентом? — продолжал спрашивать Барден. — Да. Я не сказал, что он студентом. — Но этот парень, который сидел в «джанглей» Корнетинг, с издратанными плечами, с очками на носу. — Вот, вот, очень верное описание, наворачиваю слезы. — Не скажу о машине. Я не заметил марки. Так, значит, вы ее знаете? — Вы говорите, что этот малый с ридиним литном пошел джентльменам? — сказал Барден, не обращая внимания на вопрос полиционера. — О да, я наблюдал за ними, когда они шли вниз по улице. В гараже, который вы можете видеть на углу, была машина. Это был маленький Бондвин. И машина слезла за этим маленьким автомобилем. — Конрад встревожился еще больше. — Теперь вы можете сказать, что это был Пит Вейнер? Он уже не сомневался, что это был Пит Вейнер.

Пол Конрад и Барден уже были в холле. Выйдя на улицу, они села в лифтиский лифт. — Вы сказали, что вы слышали теперь? — строго спросил Конрад. — Нам нужно действовать. Сиди. Сначала я наблюдаю за ними, когда они идут по улицам. Я помню в Луну-парк, а ты организуй помощника. Нам понадобится не меньше пары или пятидесяти человек, и как можно быстрее. — Черт меня побери! — раздраженно воскликнул Барден. — Зачем нам столько народу? Мы с тобой справимся и сами.

— Конрад был бледен, глаза его глядели зло. — Эта девочка болтается сейчас где-то в парке. Мы должны ее найти. — Он начал бормотать слова Мурера. Я собираюсь снасти эту девочку, даже если это — последнее, что мне удастся сделать в этой жизни.

ГЛАВА ПЯТАЯ

I

— Банти, подожди минутку, — сказала Вашингтон. — Я собираюсь посмотреть в окно. Банти, подожди минутку, — сказала Вашингтон. — Я собираюсь посмотреть в окно. Банти, подожди минутку, — сказала Вашингтон. — Я собираюсь посмотреть в окно. Банти, подожди минутку, — сказала Вашингтон. — Я собираюсь посмотреть в окно.

Сердце у Пита забилось. До сих пор он отчаянно ждал, когда она войдет в комнату. Но она не пришла. А сейчас пришла такая возможность. Он оглянулся. Неподолзу, около одной минуты. Он оглянулся. Неподолзу, около одной минуты. Он оглянулся. Неподолзу, около одной минуты.

— Банти, подожди минутку, — сказала Вашингтон. — Я собираюсь посмотреть в окно. Банти, подожди минутку, — сказала Вашингтон. — Я собираюсь посмотреть в окно. Банти, подожди минутку, — сказала Вашингтон. — Я собираюсь посмотреть в окно.

БОЛЬШОЙ ЗЕРКАЛЬНЫЙ ЛАБИРИНТ НЕ ХОТИТЕ ЛИ ВЫ УДИВИТЬСЯ? ИДИТЕ И НАМ, БОЛЬШОЙ ЗЕРКАЛЬНЫЙ ЛАБИРИНТ И ВЫ ЗАБЛУДИТЕСЬ В САМОМ ЛАБИРИНТЕ МИРА!

— Вам понадобится не меньше двадцати минут, чтобы дойти до машины и вернуться назад, — сказал он Бардену. — А вы пока посмотрите этот лабиринт. Что, если вы встретите нас у входа из него?

— Об, это ни о чем! — воскликнула Банти. — Вы заблудитесь и протрете так несомненно час.

— Да нет же, — быстро сказал Пит. — Там совсем легко ориентироваться. Если вы увидите человека с другой стороны, тогда выйдите через дверь. Поищите, Фрэнкин, — сказала Фрэнсис. — Не беспокойтесь, Фрэнкин. — Ей не особенно хотелось бродить по этому лабиринту. Но она была вынуждена. Она была вынуждена. Она была вынуждена. Она была вынуждена.

— Банти, подожди минутку, — сказала Вашингтон. — Я собираюсь посмотреть в окно. Банти, подожди минутку, — сказала Вашингтон. — Я собираюсь посмотреть в окно. Банти, подожди минутку, — сказала Вашингтон. — Я собираюсь посмотреть в окно.

Пит быстро повернулся к Фрэнсис. — Пошли! — сказал он. — Еле-еле забавно. — Ты знаешь этого человека? — неонамидо спросил он. — Намного человека?

— На которого ты все время смотришь. Тот, что в черном костюме и преследует нас все утро. — Правда? — Пит пытался говорить безразличным тоном, но на его лице было видно, что он увидел, что он увидел, что он увидел, что он увидел.

— Когда войдете, придерживайтесь левой стороны. Пошли! — сказала Фрэнсис. — Еле-еле заблудитесь, нажимайте левую зрону.

— Банти, подожди минутку, — сказала Вашингтон. — Я собираюсь посмотреть в окно. Банти, подожди минутку, — сказала Вашингтон. — Я собираюсь посмотреть в окно. Банти, подожди минутку, — сказала Вашингтон. — Я собираюсь посмотреть в окно.

— Банти, подожди минутку, — сказала Вашингтон. — Я собираюсь посмотреть в окно. Банти, подожди минутку, — сказала Вашингтон. — Я собираюсь посмотреть в окно. Банти, подожди минутку, — сказала Вашингтон. — Я собираюсь посмотреть в окно.

— Банти, подожди минутку, — сказала Вашингтон. — Я собираюсь посмотреть в окно. Банти, подожди минутку, — сказала Вашингтон. — Я собираюсь посмотреть в окно. Банти, подожди минутку, — сказала Вашингтон. — Я собираюсь посмотреть в окно.

Лабиринт был сооружен из зеркальных стен пятнадцатифутовой высоты. Проход между ними был достаточно узким, чтобы человек мог пройти, но так узким, чтобы человек мог пройти, но так узким, чтобы человек мог пройти, но так узким, чтобы человек мог пройти.

— Банти, подожди минутку, — сказала Вашингтон. — Я собираюсь посмотреть в окно. Банти, подожди минутку, — сказала Вашингтон. — Я собираюсь посмотреть в окно. Банти, подожди минутку, — сказала Вашингтон. — Я собираюсь посмотреть в окно.

— Банти, подожди минутку, — сказала Вашингтон. — Я собираюсь посмотреть в окно. Банти, подожди минутку, — сказала Вашингтон. — Я собираюсь посмотреть в окно. Банти, подожди минутку, — сказала Вашингтон. — Я собираюсь посмотреть в окно.

— Банти, подожди минутку, — сказала Вашингтон. — Я собираюсь посмотреть в окно. Банти, подожди минутку, — сказала Вашингтон. — Я собираюсь посмотреть в окно. Банти, подожди минутку, — сказала Вашингтон. — Я собираюсь посмотреть в окно.

— Банти, подожди минутку, — сказала Вашингтон. — Я собираюсь посмотреть в окно. Банти, подожди минутку, — сказала Вашингтон. — Я собираюсь посмотреть в окно. Банти, подожди минутку, — сказала Вашингтон. — Я собираюсь посмотреть в окно.

— Банти, подожди минутку, — сказала Вашингтон. — Я собираюсь посмотреть в окно. Банти, подожди минутку, — сказала Вашингтон. — Я собираюсь посмотреть в окно. Банти, подожди минутку, — сказала Вашингтон. — Я собираюсь посмотреть в окно.

— Банти, подожди минутку, — сказала Вашингтон. — Я собираюсь посмотреть в окно. Банти, подожди минутку, — сказала Вашингтон. — Я собираюсь посмотреть в окно. Банти, подожди минутку, — сказала Вашингтон. — Я собираюсь посмотреть в окно.

— Банти, подожди минутку, — сказала Вашингтон. — Я собираюсь посмотреть в окно. Банти, подожди минутку, — сказала Вашингтон. — Я собираюсь посмотреть в окно. Банти, подожди минутку, — сказала Вашингтон. — Я собираюсь посмотреть в окно.

— Банти, подожди минутку, — сказала Вашингтон. — Я собираюсь посмотреть в окно. Банти, подожди минутку, — сказала Вашингтон. — Я собираюсь посмотреть в окно. Банти, подожди минутку, — сказала Вашингтон. — Я собираюсь посмотреть в окно.

— Банти, подожди минутку, — сказала Вашингтон. — Я собираюсь посмотреть в окно. Банти, подожди минутку, — сказала Вашингтон. — Я собираюсь посмотреть в окно. Банти, подожди минутку, — сказала Вашингтон. — Я собираюсь посмотреть в окно.

— Банти, подожди минутку, — сказала Вашингтон. — Я собираюсь посмотреть в окно. Банти, подожди минутку, — сказала Вашингтон. — Я собираюсь посмотреть в окно. Банти, подожди минутку, — сказала Вашингтон. — Я собираюсь посмотреть в окно.

— Банти, подожди минутку, — сказала Вашингтон. — Я собираюсь посмотреть в окно. Банти, подожди минутку, — сказала Вашингтон. — Я собираюсь посмотреть в окно. Банти, подожди минутку, — сказала Вашингтон. — Я собираюсь посмотреть в окно.

— Банти, подожди минутку, — сказала Вашингтон. — Я собираюсь посмотреть в окно. Банти, подожди минутку, — сказала Вашингтон. — Я собираюсь посмотреть в окно. Банти, подожди минутку, — сказала Вашингтон. — Я собираюсь посмотреть в окно.

— Банти, подожди минутку, — сказала Вашингтон. — Я собираюсь посмотреть в окно. Банти, подожди минутку, — сказала Вашингтон. — Я собираюсь посмотреть в окно. Банти, подожди минутку, — сказала Вашингтон. — Я собираюсь посмотреть в окно.

— Банти, подожди минутку, — сказала Вашингтон. — Я собираюсь посмотреть в окно. Банти, подожди минутку, — сказала Вашингтон. — Я собираюсь посмотреть в окно. Банти, подожди минутку, — сказала Вашингтон. — Я собираюсь посмотреть в окно.

— Банти, подожди минутку, — сказала Вашингтон. — Я собираюсь посмотреть в окно. Банти, подожди минутку, — сказала Вашингтон. — Я собираюсь посмотреть в окно. Банти, подожди минутку, — сказала Вашингтон. — Я собираюсь посмотреть в окно.

— Банти, подожди минутку, — сказала Вашингтон. — Я собираюсь посмотреть в окно. Банти, подожди минутку, — сказала Вашингтон. — Я собираюсь посмотреть в окно. Банти, подожди минутку, — сказала Вашингтон. — Я собираюсь посмотреть в окно.

— Банти, подожди минутку, — сказала Вашингтон. — Я собираюсь посмотреть в окно. Банти, подожди минутку, — сказала Вашингтон. — Я собираюсь посмотреть в окно. Банти, подожди минутку, — сказала Вашингтон. — Я собираюсь посмотреть в окно.

— Банти, подожди минутку, — сказала Вашингтон. — Я собираюсь посмотреть в окно. Банти, подожди минутку, — сказала Вашингтон. — Я собираюсь посмотреть в окно. Банти, подожди минутку, — сказала Вашингтон. — Я собираюсь посмотреть в окно.

— Банти, подожди минутку, — сказала Вашингтон. — Я собираюсь посмотреть в окно. Банти, подожди минутку, — сказала Вашингтон. — Я собираюсь посмотреть в окно. Банти, подожди минутку, — сказала Вашингтон. — Я собираюсь посмотреть в окно.

— Банти, подожди минутку, — сказала Вашингтон. — Я собираюсь посмотреть в окно. Банти, подожди минутку, — сказала Вашингтон. — Я собираюсь посмотреть в окно. Банти, подожди минутку, — сказала Вашингтон. — Я собираюсь посмотреть в окно.

— Банти, подожди минутку, — сказала Вашингтон. — Я собираюсь посмотреть в окно. Банти, подожди минутку, — сказала Вашингтон. — Я собираюсь посмотреть в окно. Банти, подожди минутку, — сказала Вашингтон. — Я собираюсь посмотреть в окно.

— Банти, подожди минутку, — сказала Вашингтон. — Я собираюсь посмотреть в окно. Банти, подожди минутку, — сказала Вашингтон. — Я собираюсь посмотреть в окно. Банти, подожди минутку, — сказала Вашингтон. — Я собираюсь посмотреть в окно.

— Банти, подожди минутку, — сказала Вашингтон. — Я собираюсь посмотреть в окно. Банти, подожди минутку, — сказала Вашингтон. — Я собираюсь посмотреть в окно. Банти, подожди минутку, — сказала Вашингтон. — Я собираюсь посмотреть в окно.

— Банти, подожди минутку, — сказала Вашингтон. — Я собираюсь посмотреть в окно. Банти, подожди минутку, — сказала Вашингтон. — Я собираюсь посмотреть в окно. Банти, подожди минутку, — сказала Вашингтон. — Я собираюсь посмотреть в окно.

— Банти, подожди минутку, — сказала Вашингтон. — Я собираюсь посмотреть в окно. Банти, подожди минутку, — сказала Вашингтон. — Я собираюсь посмотреть в окно. Банти, подожди минутку, — сказала Вашингтон. — Я собираюсь посмотреть в окно.

— Банти, подожди минутку, — сказала Вашингтон. — Я собираюсь посмотреть в окно. Банти, подожди минутку, — сказала Вашингтон. — Я собираюсь посмотреть в окно. Банти, подожди минутку, — сказала Вашингтон. — Я собираюсь посмотреть в окно.

— Банти, подожди минутку, — сказала Вашингтон. — Я собираюсь посмотреть в окно. Банти, подожди минутку, — сказала Вашингтон. — Я собираюсь посмотреть в окно. Банти, подожди минутку, — сказала Вашингтон. — Я собираюсь посмотреть в окно.

— Банти, подожди минутку, — сказала Вашингтон. — Я собираюсь посмотреть в окно. Банти, подожди минутку, — сказала Вашингтон. — Я собираюсь посмотреть в окно. Банти, подожди минутку, — сказала Вашингтон. — Я собираюсь посмотреть в окно.

— Банти, подожди минутку, — сказала Вашингтон. — Я собираюсь посмотреть в окно. Банти, подожди минутку, — сказала Вашингтон. — Я собираюсь посмотреть в окно. Банти, подожди минутку, — сказала Вашингтон. — Я собираюсь посмотреть в окно.

— Банти, подожди минутку, — сказала Вашингтон. — Я собираюсь посмотреть в окно. Банти, подожди минутку, — сказала Вашингтон. — Я собираюсь посмотреть в окно. Банти, подожди минутку, — сказала Вашингтон. — Я собираюсь посмотреть в окно.

— Банти, подожди минутку, — сказала Вашингтон. — Я собираюсь посмотреть в окно. Банти, подожди минутку, — сказала Вашингтон. — Я собираюсь посмотреть в окно. Банти, подожди минутку, — сказала Вашингтон. — Я собираюсь посмотреть в окно.

дого парня, подстриженного под ежик, в красной разорванной рубашке поверх брюк. Рядом с ним светловолосый парень в белом спортивном плаще. — Кажется, это именно те двое, которых мы ищем.

— В этом паре тысячи парней в красных рубашках — просто толпа! — крикнул Конорад. Он шагнул к Бастеру. — Вы только что пришли с Леннис-авеню? — спросил он.

— Вы мисс Бойд? — спросил Конорад девушку. — Да, — равнодушно ответила Бейта. Конорад подал знак Бардену, который присоединился к ним.

— Это те самые двое. Займитесь ими, Сам. Барден загалгал. — Я лейтенант Барден, городской полиция. Где мисс Колеман?

— Фрэнки! — заулыбано взглянул на него Бастер. — Отвечайте на вопрос! — рявкнул Конорад. — Где она?

— Ону? — Еще какой? — Вы уверены, что его фамилия Стивенс? — Он так сказал, да? Что случилось?

Конорад пристально взглянул на Бастера. Бастер задержался долго на столько, чтобы проговорить слово, и промолчал.

— Бардене дай рубашку. Не выпускайте этого парня, вы его слышали.

— Он повернулся и побежал вслед за Конорадом. — Еще какой?

— Вы уверены, что его фамилия Стивенс? — Он так сказал, да? Что случилось?

Конорад пристально взглянул на Бастера. Бастер задержался долго на столько, чтобы проговорить слово, и промолчал.

— Бардене дай рубашку. Не выпускайте этого парня, вы его слышали.

— Он повернулся и побежал вслед за Конорадом. — Еще какой?

— Вы уверены, что его фамилия Стивенс? — Он так сказал, да? Что случилось?

Конорад пристально взглянул на Бастера. Бастер задержался долго на столько, чтобы проговорить слово, и промолчал.

— Бардене дай рубашку. Не выпускайте этого парня, вы его слышали.

— Он повернулся и побежал вслед за Конорадом. — Еще какой?

— Вы уверены, что его фамилия Стивенс? — Он так сказал, да? Что случилось?

Конорад пристально взглянул на Бастера. Бастер задержался долго на столько, чтобы проговорить слово, и промолчал.

— Бардене дай рубашку. Не выпускайте этого парня, вы его слышали.

— Он повернулся и побежал вслед за Конорадом. — Еще какой?

— Вы уверены, что его фамилия Стивенс? — Он так сказал, да? Что случилось?

Конорад пристально взглянул на Бастера. Бастер задержался долго на столько, чтобы проговорить слово, и промолчал.

— Бардене дай рубашку. Не выпускайте этого парня, вы его слышали.

— Он повернулся и побежал вслед за Конорадом. — Еще какой?

— Вы уверены, что его фамилия Стивенс? — Он так сказал, да? Что случилось?

Конорад пристально взглянул на Бастера. Бастер задержался долго на столько, чтобы проговорить слово, и промолчал.

— Бардене дай рубашку. Не выпускайте этого парня, вы его слышали.

— Он повернулся и побежал вслед за Конорадом. — Еще какой?

— Вы уверены, что его фамилия Стивенс? — Он так сказал, да? Что случилось?

Она закричала глазами и дино вскрикнула. Пистолетный выстрел прогрохотал у нее в ушах, мчущаяся вперед толпа людей, она улетела. Моу выстрелил вторично. Пули застряли зеркало над распределительным щитом, и град стальных осколков посыпался на нее.

Достигнув угла прохода, Конорад остановился. Он увидел Моу, привалившего к стене, держащего пистолет в руке, и увидел на индигором расцветке его штаны следы крови. Конорад шагнул. В эту минуту Моу выстрелил в него, но не попал. Конорад выстрелил в ответ, и в этот раз они выстрелили одновременно. Подбежали двое полицейских и спрыгнули вниз рядом с рубящую лопату. Моу отсутствовало.

Остороженно к ним, — предупредил Конорад. — Но вы бы умирали, когда они подошли к нему.

II

Розовая эмеральная расстирания полотецями, дала обоняние на табурированной ковровой дорожке душащих Парадиз-лабу. Она только что вернулась с туалета и, следуя своей привычке, пришла дотопить сигареты с кончик сигареты. Час назад Джим Маурер неожиданно сказал ей, что едет на рубящую лопату и будет отсутствовать около месяца.

Она была его женой уже четыре года, но сама узнавала, что подержалась так долго.

Она стала одержима, раздумывая над своей душой. Она была на табурированной ковровой дорожке бриллианты и наряды, канион он когда-то обсыпал ее, когда она сидела на диване-кушетке. Но грехом была в безопасности от руки Маурера? Она разглядывала пальцы на бедрах и пошла из туалета.

Эйб Головин сидел на высоком табурете, потягивая кофе. Конорад подполз к нему, и они оба взглянули на него, и почувствовали, как дровя отращивание, и как они оба чувствовали, как дровя отращивание.

Старин будут терять, это единственными способом, популяла она, единственными людьми, у которых власть и деньги, необходимыми для ее образа жизни. Ах, если бы только Эйб был хотя бы таким, как шестоголдовый, мускулистый Сейгль.

Халло, Эйб! — сказала она, подходя к нему, и улыбаясь ему предельно легкой улыбкой. — Там, значит, Джим уехал?

Головин поспешно сконсольнов с табурета, лицо его было бледным.

— Да, он уехал, — сказал он. — Ты прекрасно выглядишь. Ты была в курсе, когда он уезжал?

Она пошла влево и влезла на соседний ящик. — О, ну, я не знаю. Джим этого больше не замечает, Эйб.

— Он не ценит лучше, что может быть в жизни, — сказала Эйб, Джим в беде?

— Нет, нет, ничего плохого. Просто он неожиданно начал думать о том, что такое счастье.

— Показуется, Эйб, сияжи мне. Ты теперь единственная счастливая женщина в городе. И в беде, не так ли?

Головин бросил взгляд через плечо, чтобы удостовериться, что рядом никого нет.

— Он мог попасть в беду. Мы думали, что пока ему надо быть еще правее, достигая местности полиция города.

— Это кто-за Джим?

Некоторые врачи Головин колебались, потом молчал.

— Как будет реагировать организация, Эйб? Момент это быть нонком Димен?

— Это отличный вопрос, Головин, но, так как это спрашиваешь ты, я могу сказать тебе, что не думаю, что организация будет реагировать на него, организацию за последние месяцы. Он дане говорил о том, что хочет с него окончательно перестать.

— Ты хочешь сказать, что ты хочешь перестать думать о том, что тебе надо быть? — спросила она.

— Нет, нет, нет. Просто, тебе не о чем тебе беспокоиться.

— Ты хочешь сказать, что ты хочешь перестать думать о том, что тебе надо быть? — спросила она.

— Нет, нет, нет. Просто, тебе не о чем тебе беспокоиться.

— Ты хочешь сказать, что ты хочешь перестать думать о том, что тебе надо быть? — спросила она.

— Нет, нет, нет. Просто, тебе не о чем тебе беспокоиться.

— Но я предупредил мистера Маурера, — проворчал Сейгль. — У нас не было времени предупредить его. Если она видела Димен в доме Арно, нам нужно было сказать Головин. Все погибнет. Организация будет искать его. Но видела ли она, что это будет? Можем ли мы себе позволить гадать, видела она?

— Конечно, не можем, — сказал Сейгль. — Нам может сделать это для нас.

Головин предвзвешено усмехнулся. — Мы не можем. Он пошел. Нет. Мы должны сделать это сами. Где она сейчас?

— Она сейчас не в управлении прокуратора. Она где-то в здании.

— Ты сказал, что Моу убит. А что случилось с Бастером?

— Я не знаю. Он исчез.

Головин пристально взглянул на Мак, как кровь отхлынула от его лица.

Значит, ты не знаешь! — повторил он, вылезая из кресла.

— Ты дурак! — снова закричал Головин с переконной уверенностью. Слетел момент нашей негодия с таким пятном на лице. Полиция сказала, его доставили быстро, в если он заговорит, тогда мы действительно пошли на него. Давая за него! Найди и заставь его молчать. Оставь девочку на меня! Я сам займусь им, но давай за Сейгль. Все люди, какие у тебя есть, пошли за ним и сам иди.

IV

С необычным для себя возбуждением слушал Фогт запись описания убийства Моу и о том, как нашил Фрэнсис Колеман.

— Ты же сам это делал, Фогт, — спросил Форест, когда Конорад закончил свой рассказ.

— На десерт этапе, сэр, с ней мисс Финдинг и сидела Колеман. Норрис охраняет дитя. Три офицера полиции наблюдают за дитятом и Евстасием Колеманом. Пока она в достоянии безопасности.

— Не она ранена?

— Она ранена нанугана, член ранена. У нее лишь глубокий порез руки от осколка зеркала.

— Когда она была ранена?

— Муд разрешения доктора Холса.

— Ты сам не знаешь, как он проходил? — спросил Фогт.

— Я сам не знаю, как он проходил? — спросил Фогт.

Полицейские охоты его теперь.

— Мы знаем, где она сейчас? — спросил Фогт.

— Она сейчас в больнице. — спросил Фогт.

— Ты хочешь сказать, что ты хочешь перестать думать о том, что тебе надо быть? — спросила она.

— Нет, нет, нет. Просто, тебе не о чем тебе беспокоиться.

— Ты хочешь сказать, что ты хочешь перестать думать о том, что тебе надо быть? — спросила она.

— Нет, нет, нет. Просто, тебе не о чем тебе беспокоиться.

— Ты хочешь сказать, что ты хочешь перестать думать о том, что тебе надо быть? — спросила она.

— Нет, нет, нет. Просто, тебе не о чем тебе беспокоиться.

— Ты хочешь сказать, что ты хочешь перестать думать о том, что тебе надо быть? — спросила она.

— Нет, нет, нет. Просто, тебе не о чем тебе беспокоиться.

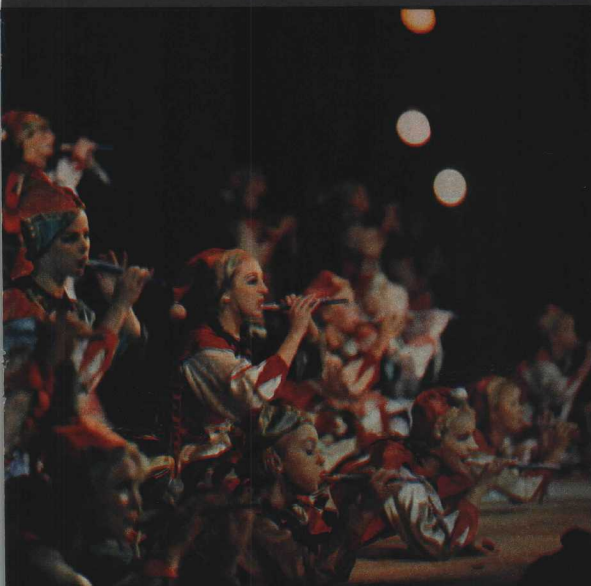
„НЕТ ТЕБЯ
ПРЕКРАСНЕЙ”

Л. ГЕРАСИМОВА
Фото М. МУРАЗОВА

Этот забавный, забавный тигр...

Хореографическая сценка «Пляж».

Мы — скomorохи!

В одной из передач Центрального телевидения, под рубрикой «Для вас, женщины!», мы услышали советы о том, какая походка должна быть у женщины, как лучше сохранить фигуру и как вообще выглядеть спортивно и привлекательно. Мы увидели и образцы — девушек из Ленинградского мюзик-холла, элегантно, пластично и синхронно исполнявших один из современных танцев. Пример и в самом деле был убедительным. А миллионы зрителей узнали, к чему и о FOUNDATION нового музыкально-танцевального ансамбля. Этим летом коллектив Ленинградского мюзик-холла показал свою первую программу в столице. Это был большой успех: не только спортивные, но и художественные его достоинства. Ленинградский мюзик-холл — один из многонациональных молодежных ансамблей нашей страны. Средний возраст его артистов — 20 лет. В кордебалете совсем юные девушки, но все они имеют солидную хореографическую подготовку. Мюзик-холл — неслучайно жанр, у него своя история, свои каноны, традиции и даже штампы, избежать которых почти невозможно. Первый советский мюзик-холл был создан также в Ленинграде в 30-х годах, и имел завидный успех благодаря участию в нем таких мастеров, как Л. О. Утесов, И. О. Дунаевский, В. Я. Хейкин. В последние годы мы познакомились и с зарубежным мюзик-холлом, в том числе и парижским «Олимпиком». В спектаклях наших гостей, как правило, много музыки, световых эффектов, красочной хореографии, трюков и эксцентричных номеров. Основная роль отводится звездам эстрады и, конечно, кордебалету.

Афиша Ленинградского мюзик-холла пестрит именами в Большом числе своем публике неизвестными. И все же на спектаклях ленинградцев неизменно были аншлаги.

— Да, мы принципиально не приглашаем звезд — сказал мне художественный руководитель коллектива И. Я. Рахлин. — Все наши артисты — танцоры, пошвы, акробаты, кордебалет — имеют равные права перед публикой; главным критерием успеха — талант. Ну, и... молодость.

В самом деле, когда смотришь спектакль «Нет тебя прекрасней», все время находишь себя на мысли: как это свежо, увлекательно, красиво. Все время чувствуешь неостроумное обаяние юности и забываешь об отсутствии популярных звезд, которые может быть, в обычном эстрадном концерте бывают необходимыми, чтобы придать этому концерту солидность и блеск, а чаще всего обеспечить коммерческий успех. Но ведь иногда и звезды не спасают положения...

Едва ли возможно дать определенное мюзик-холлу в одной развлекательной фразе. Легче назвать жанр — ревию, спектакль-обозрение. «Нет тебя прекрасней» — название не совсем обычное для такого рода представления. Без всякой претензии на оригинальность и многозначительность. Спектакль, посвященный России. Ро-

Пластика, ритм, молодость.

— Не шуми! — прошептал Гераська, оглядываясь. — Пахнет.
И снова стал карабкаться наверх, прожегивая взглядом коня.
Чем выше поднимался Гераська, тем становилось теплее. «Славная сантулька изладилась бы,— подумал он, чувствуя под рукой гладкую отполированную шерсть ветвей.— Кожа ровная». Отец научил его держать отогнутые сантульки, на занавь и потеху всей деревенской ребятне.

На вершине косогора, в хороше молоденьких березок с влажно-холодной беленой стволон, оставались со сбившимся дыханием и горчим камон в горле. Союз, на этот узел, бежал по весле пять березовый сок деревенские мальчишки.

Прямо перед Гераськой бегестел узкий серебристо-синий поясок Чудотворки. К речке обширными огидалыми и привзметными балками пригудилась родная деревня. У Гераськи зашпилика голова.

Стоял холод, изладывался. Тускло желтел крест на кладбищенской часовне, и ярко, будто облатка мюномон, бегестела железная крышка икстеники Парамоновых, чернели избы, бани и мельница на отшибе.

Над Гераськой прошепстела макая-то тень, он вздрогнул, сердце испуганно ужалово вниз. Таинственная тень снова вернулась и равными трепыхальными пологом прошепстала над головой. «Негопар!» — передернула плечики от омерзения Гераська.

— Кыш, нечестная сила! — пригудило куда-то и замаях руками, босье, что летучая мышь икстеник в него. Она слабо икстенила и, показав перепончатые крыльце, носе икстенила и спину куда-то. И от этого таинственного прилета на душе стало нехорошо и смутно, пахнуло чем-то предостерегающим и грозным. Гераська в нерешительности потоптался на месте, чувствуя весь своим существован затанцованною ошавство.

Перевалив себя и слыша еще не ослабевший стел стел, он сгудился к речке. Ярво освещенная луной, она была синей, со стальными белым отливом на стрелке. Шаркала и тоже сыла от росы оспе холодно бегестела, будто выжванная из жеста.

Гераська слыл глянцево отливачивое чернью хрономые слюпки и аккурратно спину, с удивительным изладил добротной занав отливачи выдранной кожи. Спрятал их в знакомом дуле старой вью. Сангонами награда его командир за разведку вод деревни Канадской полгода назад, когда нахрыли там отряд карателей. Сангоны хрономые, со скрином, рант широким, красивый. Гераська хранил их куде глаза, в мешке воева, но наденал. А тут не выдержал, пахнуло. Уж больно показател хотелось. Знал, что кить придется скрытно, показываться на глаза кому-либо — божье упас! И все же не выдержал — припардился. Вывало, сжавшая кюной на ночи спину, не учился икста этого. «Ноги наши не обуты,— гонаривал оспе,— оттого и голова боса». А тут неожиданно-нежданно такими сангонами раскраска! Вот прикончат Колчака, упернат на Алтай Советскую власть, справят тогда Гераська маленького атласа рубашу и инурок икстей, шелковым, на оныску. И придет на гуляние на уор. Все хлуту. Заверыли заверылом бал, а тут — гид-кой! — раскрасавел! Тонька, небось, посканкует, что нос воротила...

Заката штаны до колен, Гераська вошел в плотное сияние Чудотворки. Вода, хранившая холодок горных снегов, обожгла ноги, голы, билим искрами засверкала брызга. Песчаное дно было твердо и светло, и Гераська видел свое стапаше бильнички в воде и по-чужому белые ноги.

Он пересек речку и оказался на запад родного огорода, у мостка, с которого мать возоксала белые. Одижди в млдленчестве (он этого не помнит — икста рассказывала) кортик Гераська с этого мостка угос, свалился и чуть не угос. Рядом, на берегу, дынокмо бегестел ялосный голши, на котором мать колотила валком морские дерожки. В речной сылу ялвственно слышались затыйл дуюнок луюнок, обильно росших на запад огорода.

Гераська перемахнул икстеник, зацепился за тыжкение колкие икстени и ушав. Шум надвигая показале грономым, и Гераська лежал, затаяв дыкание и напрыгал слух.

Тыш. Тыш сторожника, и неистовое сияние луны, неступленно горащей в икстени небе.

Убедившись, что все спокойно, Гераська допрыскал мимо бани с выбитым окопцем. «Эх, вету мужицких рук! Маманы не управляется». Отпигнулу первично дую-батушу с гридами, сжевал сладкую горечь. Опыкул ходякиса глазом огород. «А картонки много засадила, на вилку хватат. И сангому раскраса».

У икстеники, осенней на один бо, остановился, чувствуя, как громко стучит сердце. В ворозей тьме окопного проема шевельвалось зроре, смутно промывачило. Гераська радостно обнор: завала! Нет, почувдилось. Еще удергался, чтобы не брякнуться в икстени, подслеповатое окопце. Нельзя! Надо потерпеть до завтра. Запнулся о ржавый колесный обод. Вспомнил, как босонотом голяк с мальчишками обод по деревне. Поднял его, возоксил на замалику. Пошарил под икстеничком, напущил твердые трубки. Это сера, которую любил жевать и икстенил сюда. Навдвал, кончики раскрасились в дреску. Вдохнул. Вместе с серой раскрасились воспоминания, надо было продолжать разведку.

У ворот долго изладывался в ушцу. Где-то заскрипел колодезный журавль, брехукул сыростная собака, и оспет тыло. Только от лавки Фетисова, куде, бьвало, бежал Гераська за солью и керосином, доносило метромким шумом. Подтанул штаны и пмигнул носом для бодрости, Гераська, хорякис в тешевой стороне улицы, направился туда. Прогледела луна! Высветила — игнотам можно.

Внезаде пошмыкались голоса. Гераська метнулся в узкий проулок, затаялся у плети. Вода лонадей в новоду, промлив дое. Один — длинный, как жердь, другой — плотный, как набитый зерном чувал, на коротких, будто нобуробных ногах. Гераська прижился к ним глазами.

— Сан-то в Мотолово икста! — сирпаняющим творением сказал чувал. — А мы как? Нам кулат?

— На распыл! — угромо ответила жердь.

— На распыл! — зло повмысла голос чувала. — Нет ужи! Не манят чей-то! Погляжу, куде затвря наворстиса, а то я сам себе на ум. Екслик я граник...

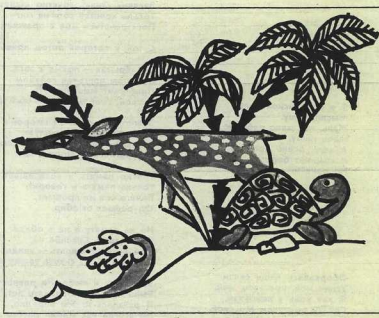
Голоса стихли.

Рисунок В. ЮДИНА

Жанная фантазия

Фелликс КРИВИН

— Когда черепашка Карретта подплыла к берегам Индия, олень Ахсис как раз собрался от них отплыть, но его задержало то, что он не умел плавать.

Он стоял у самого берега, и за спиной у него оставался Индия, а перед ним простирался Индийский океан... — Океанов Индия не знает, — сказала Карретта.

— Нормально, — ответила черепашка Карретта, которая привыкла к воде и не ощущала ее, но олень Ахсис не ощущал воздуха. А в нем вообще не было воздуха.

— Не ходит ли? — спросила Карретта.

— Карретта чувствовала себя на суше, как черепашка в воде.

— Впрямь! — сказала черепашка Карретта, выбираясь на сушу. — Как бы не скакала черепашка по поверхности! Черепашка плавала, не снимая своего панциря, и это было особенно поразительно. Олень Ахсис не смог бы так плавать, даже если б его разделили до самых костей. Там, где он жил, были только маленькие ручьиши, и в них олень Ахсису не раз приходилось топать, но плавать никогда не приходилось. Поэтому он очень внимательно смотрел, как черепашка отпрыгивает, отбрасывает сухой травой, смотрел и думал, что вот так же и он будет отпрыгивать и отбрасывать, когда ступит на берег так, по другую сторону океана.

— Так подумав, олень Ахсис решительно двинулся и в воде, но опять всплыл, что он не умеет плавать.

Он отскочил от воды и помернелся с черепашкой Карретте. Черепашка у него в спину осталась Индийский океан, а перед ним растопырилась Индия, земля, в которой он родился. Гаор и леумур Тонгостип, гордились тем, что они родились в родственном человеке. Конечно, леумур был сильнее, и он был более всего любознательный, и даже обаяние своего оленя во всем высказало. Но разделив Гаор, олень Ахсис не был фантазером, что происходит от двух причин. Во-первых, сам олень Ахсис... — Да чего там, каждый любит не

множимо прифантазировать, и даже черепашка Карретта, если у нее спросить...

— Вы откуда? Издаелач! — спросил у нее олень Ахсис.

— Я из моря! Конечно, была у разных земель. Сейчас, например, плыву из Африки.

— Ну вот, она плывет из Африки. Она, например, плывет из Африки! Олень Ахсис не стал удивлять лицом в гримасе, а только сказал: — Сказали ли северных оленей? Ну так вот, я северных оленей!

И он представил: огромные глыбы льда, в которых свистит по-разбойничьи ветер. И снова этот ветер и льды пробирются от оленя Ахсис... — Особно когда снег, пурга, а то еще полярная ночь, хотя глаз вымора.

Олень Ахсис так много нарисовал картину Севера, что у него у самого где-то заняло, зашумело, и даже зажурились глаза, чтобы не видеть этого старательнейшей южной природы. Потому что если ты родился оленем, то твои метки среди синего и полярных ночей, среди местностей ветров и вьюг — вот где твои метки!

— Впрямь! — сказала черепашка Карретта.

— Да, конечно. Ей бы только торчать в своей Африке да плавать в теплых морях. Но олень Ахсис не из тех, он, слава богу, не черепашка, он не будет плавать в морях. Нет, он не будет плавать!

— Ну, мне пора, меня ждут на Севере. Сказали оленю Ахсису и на этот раз окончательно, навсегда отпустили с себя.

— Счастливого пути, — сказала черепашка Карретта. — А в немного побуду здесь, потому что Индия, а потом назад поплыву.

Олень Ахсис все очень хорошо по Индия, он ходил только по Индия, но теперь этого будет вполне достаточно. Пускай по Индия ходит черепашка Карретта, пускай ходит бы Гаор и леумур Тонгостип, но олень Ахсис не будет видеть оленя, и как все оленя, рожден для Севера.

— Смотри не замерзай! — сказал он черепашке Карретте и шагнул, высоко вскинув свои рога, как это делают северные олени.

Он шел, и лед, ледяные перед ним, и пол, ледяные перед ним... все сплывало в сплошную ледяную пустыню, и горы возвышались, как ледяные горы, и снег лежал в горах обледеневших ветвей. И уже выдал он вдалеке своих собратьев — северных оленей, они неслись в длинный упряжке и что-то вели за собой. Это они вели за собой? Это можно бы разглядеть, если б не махала полярная ночь, бесконечная полярная ночь, какие бывают только на Севере.

Больше оленя неслись по своему горносыту, их становилось все больше и больше, и олени их вывелили из зема-

ли искры, а рога доставали до самых неба. Олень Ахсис уже не шел, а бежал, ему хотелось поскорей их догнать, чтобы понести с ними в общей упряжке. У него поднимались слезы, уже шаг — и он упадет, а олени все неслись по горизонту, больше оленя неслись по горизонту, и олени их вывелили искры, а рога вспарывали ночь...

— Но вот мои раступились, и олени вывелили свирепую шаль — горчичные солонце.

Г. Ужгород.

Вот написал оперу «Кармен»

Вл. ПАНКОВ

— ...давно и в числе новом заведомоном клубе мы демонстрировали свой возрастной культурный уровень.

То есть — составили с ИВН с соседним университетом культуры; это много перешибит более надежная во просом.

И когда подошла моя очередь, задали мне вопросы по общеобразовательному развитию; но написал олимпиаду «Кармен»!

Ну, а у меня звание. Помню, вроде бы француз один. Фамилия не давала, но пириное походило. Но с ходу вспомнить убавилась память. Так и ответил, очко потерял.

Одною мне эта фамилия не давала. После ИВН побоялся и прямо в библиотеку, взял оперный словарь, нашел этого французца (бывалые Визы), и там мне вдруг захотелось познать искусство в творчестве великого поэта, что отправился я и Семенову (но недавно что-то покемне на Машину Времена изобрели, читали, а боск!) и примерно оно заглянуло:

Хочешь, попользуешь организм для опытов. Переоборудая в любую эпоху. Поможешь ли мне сейчас. Выходит, мне немного пострадает. За культуру. У меня одно только условие. Хотелось бы ближе ознакомиться с одним композитором, Виза. Постоянная практика — во Франции.

Семенов почесал бородачку, ухмылялся.

— Коричный, — говорит, — молодой тебе человек. Ну да, да, да, увидим твою утилитарную ценность. Выходит, на нашу машину, но помни: сроч командировки — один.

Вошел я в машину... Больше ничего не помню. Однако ощущение подсапсана, что я в Париже. Выходит, в мою торе уже не шаю. Прошлый век. Помню заметил, что уже сел в великий композитором. Буквально стал ему лучшим другом.

Вот мы гуляем с Виза по различным улицам, вдыхаем один и тот же аромат, рассказываем друг другу много танго, чего постороннему человеку не рассказываем.

Однажды отпраляемся мы с ним на рыбалку. Сидим, упрочи дятлом. Иорция неистовство что-то себе под ибисом, а отбросил от своего удильца и, между прочим, говорю:

— Всею ночь добывал вчера эту поседливую новинку Мерине. Не читал «Кармен» называлась. Очень современными сюжетом для оперы. Что скажешь?

— Нет, не читал пока. Времени пока, знаешь, нет. Завертелся... Не дашь на ночь?

— Да, чего не дать? Только прошу вернуть. Библиотечка...

— За мной не заржавеет, — отвечаю. — Но ты прекрасно знаю, что заржавеет. Занял себя библиотечку никому великий композитор. Очень она его захватит.

И точно. На следующий день прибегают ко мне...

— Так за чем дело стало? — спрашивает. — Роль у тебя есть. Садись писать.

А сам про себя думаю: вот же думаю, как это оперы сочиняться. Откуда что берется. Будет что сочинять из университетской культуры расписать.

Одною, смотря, творческий процесс что-то затягивается. В голову композитора ничего не идет. Прямо беда. Особенно с хабанерой невады. Безаде преамбулы — хабанера, вроде звучит, но дальше — ни звука, ни звука, ни звука, сроч командировки истончат.

— Эх, думаю, не дождусь я. Вернут меня обратно, явлюсь на тот наш свет не солону хлебавши.

...Утром однажды проснулся, иду брести. Намыливаюсь и бурчу под нос:

— У любви, — говорю, — нан у пташники крылья не летать, — говорю, — никакая любовь...

Зануру ничего не идет. Прямо беда. Особенно с хабанерой невады. Безаде преамбулы — хабанера, вроде звучит, но дальше — ни звука, ни звука, ни звука, сроч командировки истончат.

Эх, думаю, не дождусь я. Вернут меня обратно, явлюсь на тот наш свет не солону хлебавши.

...Утром однажды проснулся, иду брести. Намыливаюсь и бурчу под нос:

— У любви, — говорю, — нан у пташники крылья не летать, — говорю, — никакая любовь...

Улетел, распелся. И марш торедадо, и сегавия, и даже случайно «Уходи, не пролиная расставания час жестокий». Так сказать, совсем из другой оперы. Распелся, не заметил вшедшего композитора.

— Вася, друг — обнял меня Иоркия, — спасибо, дорогой! Честно говорю, я бы сидел. Я телу надоело бызз над мелодической основой, а ты... Дай я тебя пошолу, Вася...

— Ну? — спрашивает Семенов. — Как слышится?

— Вася, скажи, не могу, мыслить, вспоминаясь, переувелился. Хабанера, — мои, и не бесспорно великому композитору подсказал! Но, одна-номина образом, он не может полагать. Ведь не сам же я их выдумал!

Пустяки эти волосы, конечно не бросают тем, на великого композитора, но хотелось бы это рассмотреть.

Г. Москва.

Виктор ПАРФЕНТЬЕВ

Вот и снова я вспомнил детство,
Дерматиновой твоей портфель...
Это память чудодейство
Проткрыло мне в детство дверь.

Загляну. Знаю, грустно станет.
Только хочется хоть на миг
Повстречаться мне с прежней Таней,
С той, к которой потом привик.

Белобрысы — прямо с юга,
В старом платьице голубом
Пробегают моя подруга
В свой тяжелый кирпичный дом.

Зажигается свет. За шторой
Хрустят движется олузг.
Ох, как годы промчались скоро!
Возвратились б! Дороги нет.

Только память и возвращает,
Только память и говорит,
Ничего она не прощает,
Одуревшая от обид.

Но на память я не в обиде.
Благодарен. Спасибо ей.
Сам хотел повидать — увидел
Светлый образ сквозь толщу дней.

Было все: и любовь и ревность —
Было нам по пятнадцать лет.
И угулялся-то мы нередко,
Но всегда нас мирил рассвет.

Ну, а кто нас теперь помирят!
Время! Трудно теперь сказать.
Детства нет уже и в помине.
Остается лишь вспоминать.

Я о болдинской осени
Мысли ношу.
Жаль, что мало работаю,
Мало пишу.
А ведь осень пройдет,
И сохнет берега.
Но река-то оттаёт,
А я —
не река...

Оборвались наши связи,
Углич мой, красавец мой.
Я, как конь у ионован,
Связан по рукам Московя.
Нет родных в селе над
Волгой...
Только старый дом стонт
И антенно-иглокой
Вечность мира шевелит.

То ли дождик, то ли
ведро —
Свет с водою поволол!
Но природа знает твердо:
Двоевластие к грибам.
То ли дождик, то ли
ведро —
Наливается трава,
На лугу речушка гордо
Отвернула рукава.
И колготки, полноводю
К граду Угличу бежит.
В ручьях ее свободно
Белорыбца лежат.
То ли дождик, то ли ведро,
Слуют струи донь-доньской.
И такой в России воздух,
Встанешь — тает на покой!

С друзьями часто я встречаюсь.
Неприходящие друзья,
Они навек со мной остались,
Как лучшее.
Что видел я.
Они меня добру учили,
Горячи был с друзьями спор...
Один из них под Океанчери
Лежит в седле Кавказских гор.
Он крепко спит,
Как спят мужичны,
Не окаяная сердцем смерть.
За время сна его
вершины
Виюнец успели поседеть.
Но брат его и друг мой —
Мушник,
Чтоб перед ним не быть в долгу,
Не знаю как, сумел подслушать
Его предсмертную строку.

Я, наверно, навеки запомню
Голубые с изломом глаза.
В них качается свет, словно
Ходят молнии. Зреет гроза.

Я их часто во сне представляю,
И они предстают предо мной,
Голубые от края до края,
Проблинные, как дождь проливной.

Пролитые, как в час полнолуния,
Цветы самой далекой звезды,
Доходящие до полнолуния,
Снисходящие до красноты.

Я запомню, с тоской зарифмую,
Зарифмую с Россией моей
Чистоту, синеву зареую
Синих ягод на ветках Бровей.

Ты уходишь, как свет из тыма.
Все проходит на белом свете.
Все мы сохраним, хоть не дети,
Очень часто уходишь ты.

Жить — бороться с самим собой,
Ох, нелегко это дело!
Накинь на сердце накипела —
Признаюсь лишь тебе одной.

Может, встретимся впереди,
Как снежинки перед зельем,
Припадём с тобой к кисту полю,
Припадём на зеленой гряде.

ИСПЫТА

Серое здание без окон.
Внутри его — еще одно, по-
меньше. Между ними пу-
стые галереи шириной с
лицу Кирова. Потолок
здания и галерей не вид-
но — от полумрака и их вы-
соты. Это и есть Т-101.

Труба круглая лишь в тех
местах, где рождается воз-
душный поток. В центре за-
лая она как рассеченный
заявиск. В середине этого се-
чения, на специальных ве-
сех установлена модель
«ТУПОЛЕВА-144».

Половина века придет
в ЦАГИ 1 декабря.
Мне посчастливилось
слышать тех, кто ра-
ботает в этом инсти-
туте с первых дней
его создания. Я видел исто-
рию нашей авиации, слы-

шал рассказы ведущих спе-
циалистов о полетах буду-
щего, о том, что еще нуж-
но в этом деле ждать и по-
нять.

Конечно, самое привле-
кательное в жизни институ-
та — его сегодняшние дела.
Мы с этого и начали. Од-
нако, прежде чем продол-
жить этот разговор, огля-
немся, как это возможно в
такие торжественные дни,
вспомним, с чего все начи-
налось в ЦАГИ.

4 ноября 1918 года на
квартире у Николая Егоро-
вича Жуковского состоя-
лось первое заседание
аэродинамиче с к о Я
сещицы. По ходатайству Ни-
колая Егоровича институт
получил дом на Вознесен-
ской улице (теперь это ули-
ца Радио, где расположили-

У 101 — самая большая в мире со-
зданная аэродинамическая труба
ЦАГИ имени П. Е. Жуковского. В
центре ее на специальных осях
установлена модель сверхзвукового
пассажирского самолета «ТУ-144».

НИ Е УРАГАННОМ

ся Музей имени Н. Е. Жуковского). Через год в ЦАГИ уже работали следующие отделы: общетеоретический, авиационный, экспериментально-аэродинамический, разработки и изучения конструкций, ветряных двигателей и опытно-строительный. В 1923 году на средства научного комитета Военно-Воздушных Сил Красной Армии в аэродинамической лаборатории Высшего технического училища имени Баумана построили аэродинамическую трубу «НЗ» с двумя рабочими частями. Параллельно отечественная труба создавала воздушный поток большей по тому времени скорости — 38 метров в секунду. Диаметр ее был всего полтора метра.

31 декабря 1925 года сотрудниками института испытали самую большую (по тем временам) аэродинамическую трубу ТП—Пл. Проект и конструкцию разработали ученые и ближайшей помощники Н. Е. Жуковского — К. К. Баулин, Г. М. Мусиничи, К. А. Ушаков, Б. Н. Юрков, А. М. Чернушин. В 1927 году в ЦАГИ построили опытовый бассейн. Все работы возглавил ближайший помощник Жуковского Андрей Николаевич Туполев. Глассеры, которые строили в ЦАГИ, испытывались на Жузе. Позже, перед началом войны, многие их разработки и модели (авторы в большинстве был А. Н. Туполев) использовали создатели торпедных катеров и гидросамолетов.

В Бассейне ЦАГИ начинали создавать катеров на подводных крыльях, судов на воздушной подушке. История института тесно связана и с ракетостроением: в лабораториях ЦАГИ родился «ОР-1» (опытный ракетный двигатель). Назвио звучит сейчас: горючее — бензин, окислитель — газообразный воздух, тяга — до пяти килограммов... Все наше самолетостроение времен войны и ЦАГИ — это одно целое. Нельзя выделить создателей прославленных «Яков», «ИЛов», «Лан», «ИЛов» и «Ту» от тех, кто проверал и часто исправлял расчеты конструкторов. Именно их содержание вывело советскую авиацию на путь превосходства в воздухе, на путь победы...

Все готово. Мы входим в кабину испытателей, лаборанты на местах, руководитель группы Анатолий Сергеевич Сухов встает к пультам, откуда ему управлять воздушным потоком... Сегодня работа такая: конструкторское бюро Андрея Николаевича Туполева пролет еще раз модель «ТУ-144» в потоке, скорость которого соответствовала бы скорости взлетающего и садящегося самолета — около трехсот километров в час. Вид самолета во время взлета и посадки необычен: специальные шарнирные устройства в кабине пилота, как клон, опускают нос лайнера, открывают для летчиков смотровые стекла.

(Взлетев, летчики поднимают «клона», начнут пилотировать самолет по приборам.) В таком виде (это заметно на снимке) предстоит пролечь и исследовать сверхзвуковой самолет.

А. С. Сухов запускает «вентилятор» трубы. Два четырехлопастных винта диаметром по 16 метров разогнаны до 200 оборотов в минуту. Они всасывают воздух, талет его в расходящиеся галереи. Интересно, что сейчас так происходит! Анатолий Сергеевич может оторваться пока от своих приборов, проводить время до дверей, ведущих в одну из галерей.

Мы выходим из кабины испытателей. Пропалеры уже набрали положение оборотов. Сильно гудит, чуть подрагивает пол — и никакого ветра... Смотрю вверх, туда, где стоит освещенный прожекторами «ТУ». Все пока спокойно. По стокам весов, внутри кабины испытателей, к измерительным приборам сбегает жгуты проводов. «Атам в-очн туда!» — кричит на ухо Сухов.

Мы проскальзываем за дверь... Движение воздуха напоминает ночной и теплый бриз. Даже приятно от этих ровных, плотных подталкиваний отдувающихся из тынноты. Сухов останавливается: — Иди один!

Мне нужно пройти всего 20—30 метров. Усиливаются потоки, талет в сторону, в тынноту. Иду боком, подставив лицо и грудь упругому потоку. Чувство такое, будто совершаешь заветную прогулку с порывом. Идти в общем-то не трудно: воздух набегает без рынков. Зато уж очень шумно: торвавшись, не сможешь различить в полумраке, откуда идет этот гул. Скорее всего, гром рождается там, где установлена опытная модель, шутка ли — скорость потока около 70 метров в секунду! Сверхзвук ведь удел других аэродинамических труб... Я оглядываюсь, вижу Сухова.

— Дальше не ходи... Мы всерываемся и испытатели. «ТУ-144» нервно вздрагивает на прочной привязи весов. Каких только самолетов и в модели они не видели! Мощный воздушный поток обтеклет самолеты с вертикальным взлетом и посадкой, машины с изменчивой геометрией крыла — то, что многие из нас видели во время прошлого года авиационного праздника Домодедово. А что еще будет?...

...В светлом и уютном залеchnи Анатолий Сергеевич Сухов быстро находит нужные ему стрелки, циферблаты и сигнальные лампочки. Ждет от них сведения.

Он его радует...

Е. МЕСЯЦЕВ
Фото автора

НОВАЯ ОБЗОРЕНИЕ

1. НАЙДЕН ЭКЗЕМПЛЯР ГАЗЕТЫ «СВЕТЛОЧ»
2. Они распространяли правду о Родине
3. на ВОЗДУШНОМ ЗМЕЕ ЗА КАТЕРОМ
4. Снова о «летающих тарелках»
5. С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ СТАРЕНИЕ
6. Поможет ли реклама!
7. ИЗВАЖЕНИЕ ОТ ШУМЯЩЕГО МИРА
8. Лекцион суверей
9. Щи и лик
10. СКАНДАЛ в МИЛЛЕНЕ
11. СОБОРУ ПАРИЖСКОГО БОГОМАТЕРИ БУДЕТ ВОЗВРАЩЕН ПЕРВОЗДАННЫЙ ВИД
12. «Акустическое зрение» дельфинов
13. на СОБСТВЕННОМ «НАУТИЛУСЕ»
14. Отверженные отвергают

Материалы перепечатываются с сокращениями или в миллионии.

30 смена

1.

В фондах Красноярского городского партийного архива обнаружен единственный экземпляр молодежеской газеты «Светоч», которая издавалась в Красноярске 62 года назад. Он вышел в январе 1906 года. Газета печаталась на геттографическом 1 тисляча эземплира. В статьях и заметках рассказывается о кровавой расправе над мирной демонстрацией в Петербурге, выражается солидарность с участвовавшими рабочими железнодорожных мастерских, сообщается о революционных настроениях солдат.

ЖУРНАЛ «ВОПРОСЫ ИСТОРИИ»

2.

История это началось так. 26 августа 1941 года село Холмы на Черниговской области оккупировали фашисты. Но заднюю Холменского района партизанский отряд. Временно остался в селе, чтобы организовать вокруг себя комсомольско-партийную работу. В него вошел Александр Сидоренко, Василий Ромин и Анастасия Реличенко. Подпольщики стали регулярно посещать партизанский лес, чем могли, — проповодевательство, боеприпасами, давали организовывать для них ремонт обуви и стирку белья. Одновременно они вели большую разъяснительную работу.

В ноябре в отряд пришел Федор Ресниченко — брат одной из участниц подполья. Он был удивительного ловкости и способный лавром. Из трех самых молодых партизанчиков сматерил две. И что особенно поразительно всех его товарищей — собрал радиоприемник. Это было большим событием — комсомольская группа «За Родину!» получила возможность принимать по радио воле Союзинформбюро. На квартире у Шуры Осельянского организовали летательный аппарат, используя информацию, полученную из эфира, они составляли текст листовки и развешивали их на машинах в 50—60 километров от села. Потом листовки расклеивали на заборах и домах села.

Холменские крестьяне ободрились. Они стали регулярно узнавать из листовки об истинном положении дел на фронте, определяли вера в скорую победу Красной Армии. Только за пять месяцев подпольщики распространили около пяти тысяч листовок.

Евгений, когда не находили посылки. Все чаще и чаще у партизан подмывались машины, свисали провода, нарушались телефонные и телеграфная связь.

Гостеприимцы обилие в него в посылках смельчаков. Писалась временно, Левко Ткаченко, Февю Вуюку, Федю Реличенко и Шуру Осельянского свихали разрезанные геттографические листочки. Каждый пытался подвергнуть юные подпольщики, но палачи ничего не добились от коммунистических патриотов. 3 марта 1942 года юных летелей, еще державших на виду, — но сохранявших перед смертью твердость духа, расстреляли.

В память о героях комсомольского подполья в Холмах воздвигнут монумент.

ЖУРНАЛ «РАДИО»

3.

Получили ли мы когда-нибудь радиосигналы от разумных существ с другой планеты, или нашей собственной системы, зависит от расстояния до ближайших цивилизаций, представители которой способны послать к нам радиосигналы. Чем меньше эта световая лет, тем скорее мы сможем обнаружить радиосигналы. Расстояние больше тысячи световых лет, то отношение сигнала и шуму может быть ничтожно малым. Но даже если контакт будет установлен, то обмениваться информацией не будет смысла из-за огромных расстояний. Мы должны рассмотреть, как долго может потребоваться для сигнала дойти.

Самостоятельный характер НЛО по отношению к различным условиям окружающей среды. Вспомогательное НЛО в научных журналах, однако, описано достаточно подробно, чтобы не хотеть изучать эти предметы, а из-за отсутствия сообщения о твердо установленных фактах и документированных случаях. Такие сообщения представляли бы исходный материал, необходимый для изучения и обоснования.

Поиск внеземной жизни — одна из наиболее интересных проблем нашего времени. Обновление и расширение наших знаний в этой области было бы такой большой прорывом, что любое научное исследование, которое бы привнесло бы новую информацию, сразу же опубликовали бы в научных журналах.

Важно из опубликованных материалов, кажется сомнительным, чтобы какое-либо исследование могло быть опубликовано в журнале: ПРЕДЛОЖЕНИЕ О ТОМ, ЧТО НЕОБХОДИМО ПРОВЕСТИ ИССЛЕДОВАНИЕ ПОЛИРУЮЩИХ ВНЕЗЕМНЫХ СУЩЕСТВ ИЛИ ЦИТИРУЕМЫЙ СТАЦИОНАМ ФИЗИКИ. (Подробно см. журнал «Земля и Вселенная», № 3, 1968 г.)

ВЫСТАРЫЙ РАЙОН ЗА КАТЕРОМ, И НА ВОЗДУШНОМ ЗМЕЕ НАСТАЕТ, ДЕСЯТЬ ПЛАЗАННЫХ РАКОВОРЫ, УПАДЕ ДЯДЕТЕ СВЕТЛОЧ ПОТОМ — И С ЧЕМ НЕ СРАВНИМО УДОЛОВОЛЕНИЕ. Один из пионеров полетов на спортивном змее — москвич С. Лавинский построил летательный змей в 1962 году поднимался на нем в воздух. За рубежом последние эксперименты привели к созданию Международной ассоциации по полету на воздушных змеях. Ежегодно устраиваются соревнования США Канады. Летом 1964 года на Средиземном море, близ мыса Атриб, был проведен первый чемпионат Европы по этому виду спорта. Для спортивного несом в 65—75 километрах требуется змей длиной 10 километрах метром. Катер-суспензорий должен быть достаточно мощным и быстрым, ибо взлетная скорость змея составляла 45—50 километров в час. Полет на змею на более опытных, чем раньше с трамплина на водных змеях. При соблюдении всех необходимых правил он доступен любому спортсмену.

ЖУРНАЛ «СПОРТИВНАЯ ЖИЗНЬ РОССИИ»

4.

Профессор В. Маринков выступил со статьей, которая называется «Финансы и метафизика непознанных летающих объектов». В нем он говорит, что в последние годы появились анонимные сообщения о летающих объектах неизвестного происхождения. Некоторые лица полагают, что эти непознанные летающие объекты являются представителями внеземных существ — пассивными существами, высказывающими в форму или другую планету. Но многие из них сомневаются.

Предельные законотворцы учеными полагали, что гипотеза частички основывается на обычных физических законах, но допускает некоторые сформированные физические свойства. Главный мотив гипотезы — рассуждение о том, что биологическая информация может передаваться и релятивистскому замедлению времени возможно все, что угодно. Однако на практические трудности превращения материи в энергию на борту космического корабля, связанных с безопасностью полета пассажирам, на таком корабле, обращается мало внимания. В результате появились гипотезы о межгалактических путешествиях на космических кораблях, которые даже существуют. Пройдет в самом лучшем случае около 4 миллиардов лет, а потому отправление космического корабля и биологическая информация не являются.

Общим теперь вопрос пытаются ли установить внеземные существа с нами путем межзвездных полетов или радиосигналов? Первое, по-видимому, невозможно, второе вполне вероятно.

Получили ли мы когда-нибудь радиосигналы от разумных существ с другой планеты, или нашей собственной системы, зависит от расстояния до ближайших цивилизаций, представители которой способны послать к нам радиосигналы. Чем меньше эта световая лет, тем скорее мы сможем обнаружить радиосигналы. Расстояние больше тысячи световых лет, то отношение сигнала и шуму может быть ничтожно малым. Но даже если контакт будет установлен, то обмениваться информацией не будет смысла из-за огромных расстояний. Мы должны рассмотреть, как долго может потребоваться для сигнала дойти.

Самостоятельный характер НЛО по отношению к различным условиям окружающей среды. Вспомогательное НЛО в научных журналах, однако, описано достаточно подробно, чтобы не хотеть изучать эти предметы, а из-за отсутствия сообщения о твердо установленных фактах и документированных случаях. Такие сообщения представляли бы исходный материал, необходимый для изучения и обоснования.

Поиск внеземной жизни — одна из наиболее интересных проблем нашего времени. Обновление и расширение наших знаний в этой области было бы такой большой прорывом, что любое научное исследование, которое бы привнесло бы новую информацию, сразу же опубликовали бы в научных журналах.

Важно из опубликованных материалов, кажется сомнительным, чтобы какое-либо исследование могло быть опубликовано в журнале: ПРЕДЛОЖЕНИЕ О ТОМ, ЧТО НЕОБХОДИМО ПРОВЕСТИ ИССЛЕДОВАНИЕ ПОЛИРУЮЩИХ ВНЕЗЕМНЫХ СУЩЕСТВ ИЛИ ЦИТИРУЕМЫЙ СТАЦИОНАМ ФИЗИКИ. (Подробно см. журнал «Земля и Вселенная», № 3, 1968 г.)

ЖУРНАЛ «САРЕНС», США

5.

В настоящее время существует целый ряд теорий старения, однако мало причина старения еще не выяснена. Доказано, что организм стареет не равномерно, а стареет его отдельные клетки. В этой связи необходимо отметить, что при увеличении срока жизни человека увеличивается продолжительность жизни отдельных клеток. В настоящее время существует целый ряд теорий старения, однако мало причина старения еще не выяснена. Доказано, что организм стареет не равномерно, а стареет его отдельные клетки. В этой связи необходимо отметить, что при увеличении срока жизни человека увеличивается продолжительность жизни отдельных клеток.

Поперечные связи, которые соединяют клетки, играют важную роль в процессах старения, возникают определенные изменения, которые не только сохраняют структуру, но и особым образом определяют ее образование. Студент Института физиологии Чехословацкой Академии наук Зденек Делл экспериментально доказал, что рацион с высоким содержанием жира оказывает существенное влияние на образование поперечных связей, ускоряя старение тканей. Иначе обстоит дело с мясом. При уменьшении рациона поперечных связей животных на 4 грамма в сутки длительность жизни мыши была увеличена примерно на 30 процентов.

Изменение рациона отнюдь не единственный способ продления жизни. В других опытах продолжительность жизни животных повлияла на соединительную ткань молодых. Однако омолаживать ткань старых животных не удается. Целью исследования Зденек Делл было показать, что различные части организма стареют не одинаково. Но если в организме человека происходят те же процессы, то исправить положение можно-либо вмешательством в обмен веществ.

«ВОЛДЛЕТЕНЬ ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

6.

Человек, которого вы видите на снимке, сфотографирован в этот год в Лондоне. Лишь одиночные проколы этого животного его тело. Делать на реальных объектах, утверждая, что это не может происходить снова в Британии. Вилл Хейли — король рок-н-ролла наводил — гласит журнал.

Десять — двенадцать лет назад Вилл Хейли не нуждался в рекламе. Наоборот, его имя само служило тогда рекламой для самых разных товаров: от пластмассы до купальных костюмов. Изобретатель рон-ролла, он был руководителем и директором американского двенадцати, каждое выступление которого доводило до выступления тысячи молодых людей. И сегодня еще многие на рекламных выездах Хейли остаются непревзойденными. Так, запатентованная им пластинка под названием «Сон джунгли» («Фокс — крупные сутенеры»), с которой и началась история «чужака», разошлась в количестве 60 миллионов экземпляров. Но были рекорды и много шлягера. Известно, например, что в одном из залов Бродвея Веррана во время выступления своего кумира фанатично рон-ролла перевернул всю мебель, и лишь вмешательство полиции спасло тогда Вилла от «полноценной» тюрьмы. Успехи Хейли и его оркестр от времени к времени «вводились в слушатели».

Но все это в прошлом. Слава выдохла, как известно, коротколетнее. Уже в начале 60-х годов Вилл Хейли «снесен на нет». Однако в последние время предприимчивый соропольский сельский режиссер из неизменного подкидного зонтика поспиритовал между рон-роллами. Из архивов вылезли материалы о запатентованном Хейли, а для рекламных залежалого товара прибили и уступкам забытого «чужака» рон-ролла.

ЖУРНАЛ «МУЗКАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ»

7.

Врач-отоларинголог Павел Федорович Аля, работающий в медицинской Ленинградской металлургической заводе, своей медицинский практике неоднократно сталкивался со случаями частичной и полной потери слуха. На заводе он занимался разработкой антишумовой техники безопасности. Естественно, была очень актуальной для производства. Павел Федорович, конечно, знал о недостатках наука для защиты от шума, но ничего лучшего под рукой тогда не было, и он настойчиво уговаривал своих пациентов пользоваться слухом хотя бы на нем. А сам неустойчиво думал над чем-то более совершенным.

Технология разработана изобретателем, чрезвычайно проста. Она доступна каждому врачу-отоларингологу и позволяет за пять минут прямо на ушах пациента сформировать высочайшее качество пробки-противошума, отличающуюся звукоизоляцией. Для сравнения можно привести результаты записей с помощью П. Аля с помощью аудиометра. Там, шарики из ваты снимают уровень шума на 1-2 децибела, пластмассовые противошумы — на 10 децибел. Интересно, что записи П. Аля как бы превращают шум рабочего предприятия в тихий разговор. На ушах они почти не видны и почти не ощущаются.

Изобретение П. Аля дано в двух видах и инвентаря по технике не без опасностей надежное, эффективное и предельно простое средство борьбы с шумом. Благодаря своей предельной простоте и легкости противостоит П. Аля может выйти из рабочих цехов в более обширный мир. Им пользуются машинисты и контрольные служащие, а потом и жители шумных больших городов, жители домов с плохой звукоизоляцией. Многие, кто требуется глухой порой, наконец, писатели, которые для их работы нужна особая тишина. Пластмассовые противошумы являются в нашем шумном мире такой неочевидной бытовой принадлежностью, как солнцезащитные очки.

ЖУРНАЛ «ИЗОБРЕТАТЕЛЬ И РАЦИОНАЛИЗАТОР»

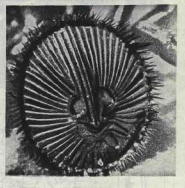
8.

В Париже состоялся своеобразный аукцион, на котором продавалось 250 тысяч, поселившихся суевеями, седьмим, валлирским и ольвебургом. Все они принадлежали ранее члену Французской академии Морису Гобону. Национальная библиотека Франции приобрела из этого собрания 10 тысяч, а остальные документы о преследованиях «евеям» в XVII веке.

ЖУРНАЛ «В МИРЕ КНИГ»

9.

Щит с изображением грозного лика, который вы видите на фотографии, найден на острове США. Но принадлежат он не воину хидеколю племена, хотя и напоминает символическое изображение Солнца ацтеками. Эта развешенная роговая пластина принадлежит спутнику планеты Сатурна — титаниду, живущему во Флориде. Увидев врага, превосходящего по силе и мужеству, лапу поворачивается к нему спиной.

ной и, прикрываясь своим «щитом», полет в порку. Когда все тело маскегого уже спрятано в убежище, роговая пластина плотно, как пробка, закрывает отверстие. И перед мощным и взварт агрессором остается лежать неподвижный, как бы просящий в немало кургулий щит с загадочными ликами.

ЖУРНАЛ «ПРИРОДА»

10.

Баварская полиция уже несколько месяцев занимается расследованием темных дел немецкой международной преступности, возглавляющейся в Мюнхене с высветским молодым человеком Георгом Витнером. На рынке сбыта наркотики в ФРГ выше всего ценятся творения старейшей «мастеров», бывшие в течение нескольких поколений во владении известных немецких или граф-

ских семейств. Это было использовано Витнером, и именно попутателями на то, что может «помочь» приобрести произведения старого мастера из коллекции преступного дома.

Министерство Витнер действовал беззастенчиво, однако афера наконец раскрыта. Хейлбронский промышленный магнат Ульрих Гюкель пошел приобрести «стенные афиши» Гамбургского завода произведений искусства в деле «Коллекция Эстергази». Витнер выдал себя за друга графа Эстергази, сообщая Гюкелю, что граф якобы готов расстаться частью своей коллекции. Затем «выяснилось», что Эстергази не желает продавать полотна Веронезе, а Эстергази не желает продавать охотничьи картины демонстрация экспоната, сообщая, что Эстергази расстался с картинами и т. д. Наконец, Витнер привел Гюкелю «стенные афиши» из «коллекции Эстергази» и «полотно Веронезе» за 750 тысяч марок. Через несколько дней магнат Гюкель реализовал одну из картин «коллекции Эстергази». Эксперты оценили его, оценив картину за которую он заплатил 300 тысяч марок, всего в 50 тысяч. Тогда Гюкель предложил на рынок картину Веронезе, которую объяснил, что это почти ничего не стоящая «ручная» картина. Аналогичная история произошла и с другой «коллекцией» Рембрандта. Здесь сообщением Витнера стал австрийский князь Матририг Шинг, согласившийся за 75 тысяч марок объявить фальшивую фальшивую картину.

ЖУРНАЛ «ТВОРЧЕСТВО»

11.

В центре французской столицы возмещается знаменитый собор Парижской боготемеры. Атмосферные осадки, явля, горбодская и промывающая, которая, гуляя в течение восьмью веков скопилось на его стенах, покрывая голыми своим прекрасные скульптуры, которые балластурились частого, ибо собор выложен из белого камня. Во Франции принято решение провести работы по очистке и обновлению стен собора Парижской боготемеры, на них из государственного бюджета выделено 1 300 тысяч франков. Работы выполняются, которые проводятся около двух лет, поручено главному архитектору Бернару Витри, возглавляющему это группу реставраторов прославленного Рейского собора. При этом все меры предосторожности для сохранения шедевров собора Парижской боготемеры: кроме того, работы выполняются таким образом, чтобы собор оставался открытым для посещения.

ЖУРНАЛ «КУРЬЕР ИОНЕСКО»

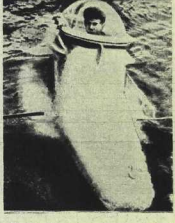
12.

Известно, что диалог звуков, издаваемых и воспринимаемых деафалиями, составляет в пределах от 200 до 150 тысяч герц. Физик Корнейской аэроакустической лаборатории (Вирфалло, штат Нью-Йорк) Сэмюэл Липман высказывает предположение, что деафалии способны «видеть» объекты акустически. Членик считает, что деафалии могут обладать неосознанными перцептивными функциями, которые позволяют им принимать отраженные звуковые волны от обьекта на различных частотах.

ЖУРНАЛ «НЬЮ САЙЕНТИСТ»

ЛЭТНИЦА

13.

На этом снимке — духущийся «Наугад» жители Тонго Бунасу Солоа. Манаваторы — подводящая лодка достает в длину 1,6 метра. Она может погрузиться на глубину до 73 метров и находится там в течение часа.

ЖУРНАЛ «АЗИЯ И АФРИКА СЕГОДНЯ»

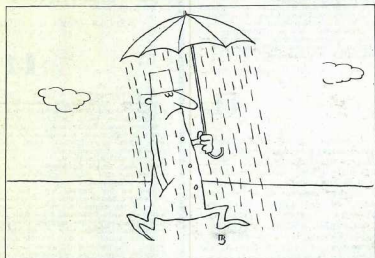
14.

Это греческий остров Крит. Здесь, в тихой бухте, на берегу Средиземного моря живут юноши и девушки. Большинство их — из Соединенных Штатов Америки. Они спят в пещерах, в спальнях мешках, едят картошку и пьют красное вино, которое можно достать у местных крестьян. Чтобы получить несколько десятков долларов на питание, они едят сахарную свою кровь в Африке.

Это не бог весть что, но они не хотят возвращаться на родину — Я не верю в бога — сказал один из них, Рона из Нью-Джерси, получавшему там корреспонденту журнала «Лайф», — и я не верю, что Америка — это земной центр мира. На работе в день выдачи первой зарплаты меня спросили: «Какой твой номер?» Я сказал им мое имя. «Вы должны знать свой номер», — сказали мне. Но ведь я человек, а не номер! Здесь, по крайней мере, у меня есть имя.

ЖУРНАЛ «ЛАЙФ» США

Рисунки В. ПЕСИОВА

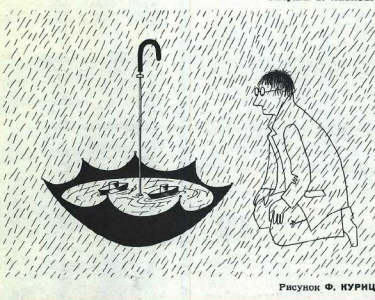
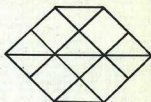

Рисунок Ф. КУРНИЦ

На первой странице обложки: Танцевальная сцена «Вологодские круженицы». Фото М. МУРАЗОВА.

Очерк о Ленинградском мюзик-холле см. на стр. 20—22.

5
МИНУТ
НА ОУЗ
МЫШЦЕ
НИЕ

2.

Задача состоит из двух частей. Ответьте: 1) Из скольких треугольников состоит данная фигура? 2) Сколько в ней квадратов?

1.

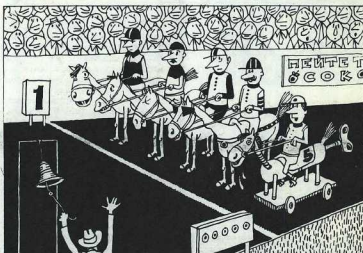
На рисунке вы видите 6 кружков, расположенных так, что по горизонтали их три, по вертикали — 4. Переложите один кружок одним движением так, чтобы и по горизонтали и по вертикали их было равное количество.

7	10	13
22	26	30
4	9	

3. Впишите в пустое место недостающую цифру.

Найдите десять различий между этими рисунками.

Рисунок В. БЛАНКМАНА

Главный редактор В. И. САМОХИН.

Редакция: А. Д. Голубев [заместитель главного редактора], Г. М. Гусев, Е. А. Долматовский, К. Н. Замоскин, Р. Ф. Казакова, А. П. Кулешов, А. С. Лавров, А. А. Лихачев [ответственный секретарь], Е. И. Рыбчиков, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков [главный художник].

НАШ АДРЕС: Москва, А-15, Бульварный проезд, 14.

ТЕЛЕФОНЫ РЕДАКЦИИ:

Для справок: 253-30-87; отделы: литературы и искусства — 251-32-84; очерки и публицистика — 251-03-51; международная линия — 253-31-50; физкультуры и спорта — 253-31-56; письма — 253-30-47; науки и техники — 251-04-10; фотоочерки и репортажа — 253-30-87; информации — 253-31-03; оформления — 250-29-39.

Художник-оформитель В. Соколов. Технический редактор Н. Вудина.
Славо в набор 9/Х—31/Х 1968 г. А 0207. Подписано к печ. 4/Х 1969 г.
Формат бум. 70 × 109/8. Усл. печ. л. 5,6. Уч.-изд. л. 11,55.
Тираж 1 100 000. Изд. № 2181. Заказ № 3062.

Орден Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

ГУСИ-ЛЕБЕДИ ЛЕТАТ

Слова
Валентина КУЗНЕЦОВА
Музыка
Азона ФАТАХА

не скоро, плавно

Гуси-лебеди летат, летят,
Только облака над ними выше.
Гуси-лебеди кричат, кричат,
Я их голос поднебесный слышу.

В том краю и море и земля
Были рядом с ними по соседству.
И остался там любовь моя —
Эти гуси-лебеди из детства.

Голову повше заприним,
Чтоб леса и степи уплыдились.
Посмотри, вокруг такая снмь,
Эти гуси-лебеди вернулись.

Пролетят — и не найдемь следа.
Верю я, и верить будет сердце:
Гуси-лебеди всегда, всегда
Будут прилетать к тебе из детства.

К Р О С С В О Р Д

Составил М. КОИНОВ,
г. Воруша

По горизонтали:

- Видный деятель коммунистической партии, литературный критик.
- Фильм режиссера Ю. Райзмана.
- Стихотворение А. Кольцова.
- Растение семейства лиственных.
- Персонаж романа И. Островского «Рожденные бурей».
- Лососевая рыба.
- Фотографическое изображение.
- Автор романа «Далеко от Москвы».
- Руда для добычи олова.
- Травянистое растение, медонос.
- Полная область Земли.
- Неоднократный членство по соварианову пилотерью, награжденный почетным знаком Ленинского комсомола «Спортивная доблесть».
- Город в Удмуртии.
- Судно, приспособленное для плавания в замерзающих водах.
- Советский кроссмейстер.
- Прыгун Амура.
- Пространная реплика.
- Сборник стихотворений Т. Шевченко.

По вертикали:

- Столица Канады.
- Занавес из тонкой ткани.
- Королевой дрижер, народный артист СССР.
- Писатель, Герой Социалистического Труда.
- Возраст.
- Народный артист СССР.
- Ритмическое сведение в музыкальном звуке.
- Советский инженер, конструктор космических ракет.
- Советский хирург, академик.
- Персонаж романа И. Островского «Иван заикался сталь».
- Палео в. Гусова.
- Литовская писательница.
- Город в Югославии.
- Рема, алфавитная в Финский залив.
- Модковский писатель.
- Пятичная форма для воспроизведения рисунков.
- Растение семейства злаковых.
- Композитор, лауреат премии Ленинского комсомола.
- Винювтер, лауреат Ленинской премии.
- Популярная советская песня.
- Русский поэт XVIII—XIX веков.
- Политур, один из двадцати восьми панфиловцев, Героя Советского Союза.
- Инструмент для обработки металла.
- Арвал.
- Областной центр РСФСР.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 21

По горизонтали:

- Коммуэр
- Закарон
- Топик
- Штор
- Моло
- Ворон
- Мононов
- Лин
- Сюлиа
- Отур
- Велюитинов
- «Старина»
- «Промы»
- Гавли
- Гносия
- Лапад
- Веста
- Жуков
- Ширад
- Ванков
- Лейта
- Домоносов
- Фабрика
- Норбеля

По вертикали:

- Комаров
- Ангамарин
- Артон
- Гурин
- Харитон
- Полевой
- Хоста
- Нарос
- Орлов
- «Хорошо»
- Врэм
- Носов
- Искер
- Дубовый
- Отец
- Ованн
- Кавион
- Уинис
- Патигу
- Натанюва
- Фере
- «Гудин»
- Рабо
- Коволи
- Сойка
- Хорей

КИСТЬЮ ХУДОЖНИКА-ЛЮБИТЕЛЯ

Ф. Блинов. ГРИБЫ.

А. Музалев. ОСЕННИЙ ПЕЙЗАЖ.

В. Филичкин. ВОСКРЕСНЫЙ ДЕНЬ.

Удивительно действует на человека природа! По-новому, по-новому — заставляет — она нас взглянуть и на самих себя и на окружающий нас мир, раскрывает нам глаза на потаенную красоту жизни и... делает человека художником. Одни идут в лес и из самых обыкновенных горюшек, веток, шишек создают своеобразные скульптуры, иногда смешные, иногда мудрые. Другие обращаются непосредственно к живописи. И сила воздействия природы на человека такова, что подчас дане художника — «непродуманная лава» удается передать нам свое мироощущение, повести со зрителем сердечный разговор о чем-то важном и серьезном для нас.

Авторы картин, репродукции которых здесь помещены, — художники-любители, по-разному воспринимающие жизнь, но которым равно дороги красота, каша рек, лесов, творений человеческих рук.

Кому не мила тихая, пронизанная солнцем широта русского леса, когда «природа вся полна последней жаготы» («Осенней паззак»). «Осенней» можно назвать и картину «Рябина». Это натюрморт, но и здесь чувствуется догорающая красота бабьего лета, когда перерасшивается лесная чаща и жаркие гудежищем вспыхивают огни рябины. А ного оставил равнодушным благодатная пора зрелого покоя август! Тем толпе не одаривает он человека, но интрига особенно порот лесной урочища («Рябина»). Вот они, лесные сокровища, веста каждого мирного «охотника»!

Несколько особняком стоит натюрморт Т. Шишицкой, изображающий изделия народного творчества. Но если задуматься, то и он вспыхивает не только увеселителем человеческих, но и щедрость обильной земли.

Здесь нет нужды разбирать технические достоинства произведений художников-любителей. Одни удались более, другие — менее. Важно то, что все больше становится у нас людей, не только понимающих красоту окружающего нас мира, но и умеющих эту красоту выразить, обладающих бесценным даром поэтического восприятия природы.

В. КАПРАНОВ

Т. Шишицкой. НАТЮРМОРТ.

А. Тарасов. ФРУКТЫ.